

В. ЛИТВИНОВ

О ЧЕТВЕРТОМ (ОКТЯБРЬ 1920 ГОДА)
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ СОГЛАШЕНИИ МЕЖДУ
РЕВОЛЮЦИОННО-ПОВСТАНЧЕСКОЙ АРМИЕЙ
(МАХНОВЦЕВ) И КОММУНИСТИЧЕСКИМ
ПРАВИТЕЛЬСТВОМ РСФСР

В ходе гражданской войны на Юге Украины коммунистическое правительство России четыре раза вступало в военный союз с Революционно-Повстанческими частями, руководимыми анархо-коммунистами во главе с Нестором Махно. Первый из этих союзов просуществовал с осени 1917 года до марта 1918 года и распался в связи с тем, что по условиям Брестлитовского договора между странами Тройственного союза и Россией, последняя должна была вывести свои войска с территории Украины. Начало второго союза было положено в декабре 1918 года и формально закреплено январским военным соглашением 1919 года, которое оставалось в силе до июля месяца, т.е. до того момента как Советы в первый раз объявили «анархо-бандита» Нестора Махно «вне закона». Третий военный союз между находящимся «вне закона» Махно и Советской властью был неформально заключен в октябре 1919 года и просуществовал до начала 1920 года, когда Махно вторично был объявлен «вне закона». Наконец, четвертый военный союз между Революционно-Повстанческой Армией и коммунистической властью возник осенью 1920 года после формального подписания военно-политического соглашения, которое включало в себя ряд чисто военных и политических моментов. Этот союз действовал чуть больше месяца и был вновь разорван по инициативе Красного командования, предпринявшего против повстанцев боевые операции. Несмотря на кратковременность этих союзов, некоторые из них оказались чрезвычайно плодотворными для успешной борьбы с контрреволюцией. В этом смысле они поистине были судьбоносными для русской рево-

International Review of Social History, XXXII (1987), pp. 315-401

люции, т.к. несомненным историческим фактом является то, что своих наивысших успехов в борьбе с белогвардейскими частями большевики и анархисты добивались именно тогда, когда они действовали в союзе друг с другом и когда каждая из сторон строго соблюдала условия соглашения, и, наоборот, разрыв этих союзов неизменно оборачивался потерями для общего дела революции. Так было летом 1919 года, точно также обстояло дело и в 1920 году.

Казалось бы, что при таких условиях, историческая наука должна была бы уделить значительное внимание истории каждого из этих четырех соглашений. Ничего подобного, однако, не происходит. Несмотря на то, что с того далекого времени прошло уже более шестидесяти лет, в исторической литературе (как западной, так и восточноевропейской) до сих пор не существует сколько-нибудь серьезного исследования истории хотя бы одного из этих союзов. То что мы имеем относительно указанных союзов, в общих исторических работах или по истории гражданской войны на Украине – это скорее наукообразное обоснование идеологических оценок, нежели чем подлинно научное исследование. Вопреки всем требованиям научной методологии, эти оценки в данных работах совершенно не доказываются *всей совокупностью относящихся к проблеме фактов*, а просто постулируются – в лучшем случае со ссылками на специально выхваченные из исторического контекста свидетельства, рисующие махновское движение в мрачных тонах. Вот и получается, что вместо науки мы имеем здесь в большинстве случаев наукообразную рационализацию политических пристрастий, а иногда и просто сознательную фальсификацию. Особенно не повезло, в смысле научного исследования, IV военному соглашению (октября 1920 года) между Революционно-Повстанческой Армией и коммунистической властью. Причин для этого печального явления, конечно, много, однако, главная из них, на мой взгляд, состоит в том, что официальная историография, будучи под доминантой авторитарного мировоззрения, просто не в состоянии правильно воспринять исторические факты и, тем более – дать им объективную оценку. Дело в том, что при анализе истории военно-политических союзов анархистов и коммунистов в годы революции мы в любом случае – сознательно или бессознательно – соприкасаемся с одной из наиболее актуальных проблем подлинно народной революции,

а именно: в какой мере анархистский и авторитарный подходы, равно как и вырастающие на этой основе политические и военные методы борьбы со своими идейными противниками, были адекватны интересам развития революции. Поэтому, коль скоро речь идет об указанных военных и политических соглашениях, представителю официальной историографии надо обладать незаурядным интеллектуальным мужеством, чтобы, отбросив в сторону свои идеологические пристрастия, попытаться непредвзято взглянуть на историческую действительность. На это способен не каждый и в особенности представитель, так называемой, «академической науки». Для этой последней Махно и связанное с ним движение всегда были воплощением разнузданных страстей черни, не имеющей ни чести, ни совести, ни сострадания к поверженным, ни вообще каких-либо человеческих достоинств. Одним из образчиков такой «академической науки» является, на мой взгляд, канадский историк Виктор Петерс, опубликовавший в 1971 году пасквильную книжонку «Нестор Махно: жизнь анархиста.»

В настоящее время, повидимому, только независимые исследователи, порвавшие все счеты с авторитарным типом мышления, «снявшие» его, говоря словами Гегеля, в высшем синтезе в состоянии объективно взглянуть на исторические факты, имеющие отношение к истории анархизма вообще и махновского движения, в частности. Это, конечно, не гарантирует от отдельных ошибок, однако значительно предохраняет от авторитарной предвзятости, заслоняющей от исследователя саму историческую действительность. Как человек, уже давно находящийся «вне системы», я надеюсь, что мне удалось в какой-то мере преодолеть авторитарный тип мышления, и потому я льщу себя надеждой, что я в достаточной мере объективно осветил одну из наиболее интересных страниц истории Гражданской войны на юге Украины. При всем том, пусть читатель не ищет в этой работе идеологических оценок и окончательных выводов. Я сознательно избегал делать это прежде всего потому, что, на мой взгляд, в отчете об историческом исследовании должны присутствовать лишь строго проверенные факты и опирающиеся на них научные выводы. Что сверх того – это, как говорится, от лукавого. Это, конечно, не значит, что подобного рода исследования не имеют никакого отношения к тем или иным идеологическим системам. Они могут «вписываться»

в них, или, напротив, противоречить им. В каждом конкретном случае читатель сам должен решать, в каком отношении находится та или иная идеология к историческому исследованию.

Как видно из самого названия работы, она посвящена истории четвертого военного соглашения Революционно-Повстанческой Армии с коммунистической властью. Разрабатывая эту проблему, я старался придерживаться, насколько это было в моих силах, проверенных на историческую достоверность архивных и других исходных материалов. Этим, в основном, и объясняется тот недостаток работы, что она в какой-то мере отягчена источниковедческим анализом. Однако этот недостаток является совершенно неустранимым для всякой работы, которая впервые ставит ту или иную научную проблему, потому что никто не обязан верить автору на слово. Я, разумеется, стремился до минимума сократить изложение источниковедческого анализа фактического материала, и если все же он сохраняется в работе, то прошу читателя не сетовать на него, так как в противном случае, выигрывая в занимательности изложения, эта работа проиграла бы в своей убедительности, а ведь убедительность выводов подобной работы должна составлять главное ее достоинство.

Военная обстановка на юго-востоке Украины осенью 1919 года – осенью 1920 года.

Как известно, к началу октября 1919 года военное положение молодой советской республики оказалось в высшей степени критическим. Это было время, когда, разгромив летом того же года лучшие красноармейские части Южного фронта, белогвардейская армия под командованием генерала Деникина стремительно продвигалась на север, имея своей целью захват первопрестольной российской столицы – Москвы. К 10 октября Деникин уже владел Курском и Орлом, угрожая в то же время Туле, этому, пожалуй, последнему серьезному оплоту и арсеналу красных на Юге России. К этому времени красному командованию и правительству России хорошо были известны боевые силы белой армии. Данные разведывательных сводок оперативного управления полевого штаба Революционного Военного Совета Республики указывали, что на 1-ое октября 1919 года на центральном участке Южного фронта протянув-

шегося на 1190 верст, у деникинцев имелось: 51.700 штыков, 38.900 сабель при 1.500 пулеметах и 350 орудий.¹ Те же сводки свидетельствовали далее, что на более узком участке фронта – в районе Орла, Курска и Воронежа – у противника имелось 27.000 штыков, 25.000 сабель при 797 пулеметах, 138 орудиях, 19 бронепоездах, 11 броневиках и 12 танках.² На этом участке фронта общая численность боевой силы противника таким образом составляла более половины той, которая находилась на всем противобольшевистском фронте. Именно эта группировка, собранная в единый бронированный кулак, и была в первую очередь нацелена на Москву. В своих «Очерках русской смуты» генерал Деникин, со своей стороны, приводит данные, которые показывают, что сводки РВСР не были далеки от истины по части вооруженных сил противника. «Всего на противобольшевистском фронте Киев-Орел-Воронеж-Царицын-Астрахань, – пишет он здесь, – мы имели 98.000 против 140-160 тысяч большевиков.»³ Хотя в численном отношении Красная армия значительно превосходила добровольцев, она, тем не менее, повидимому, уступала им в силе огневой мощи на каждый километр фронта. К тому же, отступая в течение всего лета 1919 года, она несомненно была менее организована, чем рвущаяся к столице белая армия. Понятно, что ни о каком наступлении против Деникина в течение осени 1919 года нельзя было и думать, если принимать в расчет то положение, какое сложилось на южном фронте. Именно поэтому на своем заседании 15 октября 1919 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло следующее решение в связи с обстановкой на противоденикинском фронте: организовать в первую очередь оборону Тулы и Москвы и в течение зимы готовить общее наступление против Деникина.⁴

События, однако, вскоре стали развиваться совсем не так, как это думало Политбюро ЦК. В начале первой половины октября ударная группа красных разгромила белогвардейцев в районе Кромы- Орел и перешла в общее наступление, так что уже 24 октября советские войска входили в Воронеж, а ровно через месяц Красная армия уже занимала Конотоп, Старый

¹ См. ЦИАОР, фонд 130, опись 3, часть 1, ед.хр. 424, лист 123.

² Там же, лист 137.

³ А.И. Деникин, Очерки русской смуты. Т. 5. Берлин 1926, стр. 230.

⁴ Цит. в Истории КПСС. Москва 1976, стр. 280.

Оскол, Лиски и успешно развивала наступление на Киев и Харьков. Что же произошло на театре военных действий, что таким решающим образом перечеркнуло директиву Политбюро ЦК? Неужели Политбюро, принимая решение о подготовке наступления против Деникина в течение всей зимы, недооценивало боевой мощи Красной Армии и, впадая в панику, с другой стороны, переоценила возможности белогвардейцев? Конечно же, нет. Решение Политбюро было совершенно разумным ибо оно опиралось на трезвый анализ сложившейся обстановки. Тогда в чем же дело?

Ответ на этот вопрос может быть только один: в то самое время, когда Политбюро принимало свое решение, оно не учитывало нового, неизвестного ей фактора, вошедшего «в игру» как раз в начале октября 1919 года. Таким фактором было то, что именно в это время в тылу армии генерала Деникина появилась многотысячная Революционно-Повстанческая Армия, руководимая Нестором Махно. Именно эта армия как раз и дезорганизовала весь тыл деникинцев в самый ответственный момент их наступления, а захватив Бердянск, Мариуполь и Николаев, перекрыв к тому же подступы к Одессе и артиллерийской базе Деникина в Волновахе, она фактически лишила белогвардейскую армию главного ее преимущества – ее огневой мощи, потому что после прорыва Махно в тыл Деникина снабжение ударной группировки белых боеприпасами было фактически прекращено. Но это еще не все. На протяжении всего того времени, когда красная Армия вела свое победоносное наступление против белых, Революционно-Повстанческая Армия (РПА) связывала по рукам и ногам в районе Александровска-Екатеринослава по меньшей мере двадцатитысячную группировку противника. Такую цифру дает в своих воспоминаниях – хранящихся ныне в Центральном партийном архиве Украины – бывший начальник оперативного отдела штаба РПА В.Ф. Белаш.⁵ Косвенным образом эту цифру подтверждает и бывший командующий деникинским экспедиционным корпусом, действовавшим в 1919 году в северной Таврии, печально знаменитый генерал Я.А. Слащев. В своей работе, опубликованной уже тогда, когда он перешел на сторону красных, «Материалы

⁵ См. Центральный партийный архив КПУ в Киеве, фонд 5, опись 1, В.Ф. Белаш, Воспоминания о гражданской войне. Харьков 1930, стр. 290.

по истории гражданской войны в России» он рассказывает о том, что только для обороны Екатеринослава от наступавших на этот стратегический пункт махновцев ставка должна была выделить «в общей сложности около 9 тысяч человек». ⁶ Но это только в районе Екатеринослава! Части же Махно действовали во многих других районах – севернее и южнее Екатеринослава, включая Полтаву на севере и Крымские перешейки на юге. Понятно, что для того, чтобы восприпятствовать соединению Красной Армии с Махно, Деникину требовалось значительно больше силы, чем 10.000 бойцов. Можно поэтому считать, что данные Белаша в общем правильно указывают на то количество войск, которое Деникин *вынужден был* снять с внешнего фронта и направить против Махно. Понятно также, что одно только это, не говоря уже о боевых действиях Махновцев, не могло не облегчать наступление Красной Армии.

Перед нами встает очень важный вопрос: какова была численность самой махновской армии в этот решающий момент гражданской войны? Советские историки традиционно указывают на 40–50 тысяч человек. Слащев дает цифру, равную 15 тысячам, отмечая, что таковой была численность основного ядра махновских сил и подчеркивая в то же время, что в распоряжении Махно находилось множество партизанских соединений, действовавших в тылу белых соединений. ⁷ По данным военной разведки Украинской Народной армии (петлюровцев) численность боевых соединений Махно достигала 100 тысяч человек. ⁸ Виктор Белаш, то есть человек наиболее сведущий в этом вопросе, утверждает, что Повстанческая Армия в октябре месяце 1919 года включала в себя 250 тысяч бойцов. ⁹ Я думаю, что эта цифра является наиболее точной и только внешним образом противоречит всем другим. Дело в том, что одной из особенностей махновской армии было то, что она и в организационном и в тактическом отношении удивительно гибко сочетала в себе начало регулярной и партизанской армий. На это, как на характерную особенность повстанческой армии, в свое время указывал слушателям академии Красной Армии и быв-

⁶ См. *Военный Вестник*, Москва, 1922, № 12, стр. 44.

⁷ Там же, стр. 44.

⁸ См. приложение к V. Peters, Nestor Makhno. The life of an anarchist. Winnipeg, 1971.

⁹ См. указ. соч., стр. 395.

ший белогвардейский генерал Слащев. Касаясь этой стороны дела он говорил: «Тут бросается в глаза умение Махно действовать не только партизанским, но и регулярным способом и быстро формировать и сколачивать свои части... в хорошие, упорно дерущиеся регулярные войска.»¹⁰ Именно эта способность Махно быстро формировать и сколачивать регулярные части из партизанских соединений, а с другой стороны, способность точно также быстро распускать регулярные войска и переводить их на партизанское положение, именно эта способность и объясняет разноголосицу приводимых выше цифр. Когда Белаш говорит о 250 тысячах, он конечно имеет в виду все наличные боевые силы махновцев, как регулярные, так и партизанские. Он, впрочем, не скрывает этого, говоря, что указанные им цифры учитывают и формирующийся резерв армии. Что же касается других авторов, то они приближаются к истине в той степени, в какой более точными в своих отчетах и активными с своей деятельности являлись военные разведки различных армий, действовавших в это время на Украине. На первое место здесь естественно нужно поставить петлюровцев, потому что они более чем кто-либо были внедрены в украинское общество. Поэтому в своих отчетах они учитывали не только регулярные соединения Махно, но и партизанские части. Вслед за петлюровцами идет красноармейская разведка; разведка белых была самой изолированной и следовательно самой неточной. Как бы там ни было, но историческим фактом является то, что РПА связывая более чем 30-тысячную группировку деникинцев и громя их части, вносила громадный вклад в общую победу над врагом. В своей «Истории махновского движения» П.А. Аршинов в этой связи пишет:

В борьбе с махновщиной на юге России деникинцы понесли полное поражение, и этим был предрешен исход всего их похода на русскую революцию. Мы, таким образом, в соответствии с исторической истиной должны сказать здесь, что честь поражения деникинской контрреволюции осенью 1919 года принадлежит главным образом махновцам. Не будь Уманского прорыва (во время которого армия Махно вырвалась из окружения белых под Уманью в сентябре 1919 года-В.Л.) и последовавшего за ним разгрома тыла, артиллерийской базы и всего снабжения деникинцев, последние, вероятно, вошли бы в Москву приблизительно в декабре

¹⁰ Указ. соч., стр. 41.

1919 года. Бой красных с деникинцам под Орлом имел малое значение.¹¹

Я думаю, что это утверждение Аршинова является слишком прямолинейным и категоричным, потому что «не будь Уманского прорыва», большевики, следуя директиве Политбюро, повидимому сумели бы организовать защиту Тулы и Москвы. При всем том, в свете приведенных выше фактов нельзя не признать и того, что без поддержки махновцев, большевики, вне всякого сомнения, не смогли бы организовать своего противоденикинского похода осенью 1919 года. Поэтому заслуга РПА в деле разгрома Деникина именно осенью 1919 года была решающей. Об этом говорят все приводимые выше цифры и факты. Но это, так, к слову сказать. Свой экскурс в историю противоденикинской борьбы я предпринял в данном случае не для того, чтобы специально доказывать заслуги Махно, но только для того, чтобы показать, сколь грозной и могущественной силой являлась руководимая им армия и сколь серьезно нужно было считаться с этим фактом коммунистической власти РСФСР, когда в конце 1919 года Красная Армия, преследуя белогвардейские части, неминуемо должна была придти в соприкосновение с РПА.

В свете сказанного выше очевидно, что самая лучшая линия поведения советского командования в создавшейся обстановке должна была состоять в том, чтобы действуя заодно с повстанцами-махновцами, немедленно бросить объединенные силы на добитие своего основного противника – белогвардейцев – с тем, чтобы они не смогли окопаться в Крыму и превратить его в плацдарм для очередного похода на советскую Россию. Увы, эта единственно правильная со всех точек зрения логика, должна была потерпеть поражение в своем единоборстве с политической ослепленностью коммунистов по части социально-классового состава махновского движения. Исходя из утопической марксистской доктрины о безтоварном характере социалистического общества, руководство тогдашней России и Красной Армии, вопреки очевидным фактам, оставалось глубоко убежденным в том, что социальной базой повстанческого движения являются не середняцко-бедняцкие слои украинской деревни (как это было на самом деле), а кулаки, отстаи-

¹¹ П.А. Аршинов, История махновского движения. Берлин 1923, стр. 144.

вающие принципы мелкотоварного производства и потому враждебные пролетарской революции. Именно поэтому коммунисты не доверяли Махно в борьбе с Деникиным и Врангелем, боясь его едва ли не больше белых, потому что чуть ли ни каждый день ожидали предательского удара повстанцев в тыл Красной Армии. Эта оценка, как показал последующий опыт и исторический анализ, была совершенно неверной, однако именно она детерминировала советскую линию поведения по отношению к Махно, выработанную еще осенью 1919 года на VIII Конференции РКП(б). Выражая общее мнение руководства партии и правительства, выступавший на этой конференции тогдашний секретарь ЦК КП(б)У Яковлев (Эпштейн), следующим образом формулировал официальную позицию по отношению к Махно:

Нужно сразу ясно и определенно поставить вопрос – чувства благодарности к повстанцам у нас быть не может. Если в районе, куда вступают Красные войска, окажется повстанческая организация, которая безоговорочно не подчинится руководству красного командования, не пожелает прекратить своего существования..., здесь есть только один путь, путь беспощадной, самой решительной ликвидации этих отрядов.¹²

Мы видим таким образом, что едва только Красная Армия (с помощью махновского рейда по тылам Деникина) начала наносить победоносные удары противнику и еще не будучи в соприкосновении с частями Махно, большевистское руководство уже готовилось «самым беспощадным образом» расправиться с *самостоятельной* Повстанческой армией, потому что каждому было ясно, что Махно не согласится на роспуск своего любимого детища. Поставленное перед дилеммой союза с Махно против белогвардейцев или борьбы на два фронта – против Махно и белогвардейских частей – советское правительство сделало последний, в сущности самый худший, выбор. И так как советское командование заранее приняло решение о конфронтации с Махно, оно сразу же стало вести себя по отношению к нему как к своему противнику, надеясь вначале без излишнего шума расправиться с РПА путем неожиданного разгрома ее основных частей. Со своей стороны, Махно, повидимому, одновременно познакомился с этим решением большевистского

¹² VIII Конференция РКП(б). Протоколы. Москва 1961, стр. 82.

форума или, по крайней мере, во время догадался об этом. И потому он немедленно предпринял меры, чтобы его армия не попала в ловушку. Именно руководствуясь этой целью, Махно уже в первой декаде декабря 1919 года в обстановке большой секретности перебросил основные силы РПА на левый берег Днепра и дислоцировал их в районе Павлограда и Гуляй Поля. Наряду с этим командование частей РПА, все еще находящихся на правом берегу Днепра, в районе Кривого Рога-Александровска, повидимому, получило распоряжение о том, что в случае нападения на них Красной Армии, указанные части должны, не принимая боя, переправиться через Днепр и двинуться на соединение с главными силами повстанцев. Сам Махно, не дожидаясь подхода главных сил красных, тайно покинул свою штабквартиру в Александровске и ушел со своей «чертовой сотней» в Гуляй Поле. Об этом знало лишь самое ближайшее окружение Махно; для всех остальных – он был болен и общался с внешним миром через своих соратников. Хитрость Махно удалась полностью: до самого начала проведения противомахновской операции советское командование так и не знало точно, где находится Махно и что он, собственно говоря, делает. Все почему-то были уверены в том, что он скрывается где-то в Александровске и то ли действительно болен, то ли пьет горькую. Между тем, Батько развернул на левом берегу Днепра бурную деятельность по переводу своей регулярной армии на положение партизанских соединений. В течение каких-нибудь полутора недель многотысячная армия Махно буквально растворилась в пространстве, уйдя в глубокое подполье. Вместе с этим она полностью сохранила свою организационную структуру и весь административный и политический аппарат управления. Армией попрежнему руководил Военно-революционный Совет, она также, как и раньше, была организована по традиционной трехчленной схеме: три батальона-полк, три полка-бригада, три бригады-дивизия и так далее. Единственное, что теперь изменилось, так это то что части дислоцировались по территориальному признаку – в зависимости от того, из какой волости или села формировался основной контингент воинской части. Наряду с этим во всех селах и деревнях повстанческого района были воссозданы подпольные инициативные ячейки, которые объединяли политический актив жителей повстанческого района и которые находились в

тесной связи с политическим аппаратом армии – ее Военно-революционным советом. Основными задачами этих ячеек являлось обслуживание армии различного рода информацией и учет и подготовка резерва. В результате этой реорганизации только штаб армии и ее Военно-революционный Совет (совместно с небольшим охранением) оставались на положении регулярной воинской группы. Вся эта реорганизация, равно как и принципы, положенные в ее основу, оставались тайной за семью печатями для советского командования.

Именно в это время у руководства Красной Армии создался традиционный образ махновской армии, как не имеющей тыла, внутренних служб, никакой единой организации, состоящей из разрозненных «шаек» рекрутируемых из полууголовных лиц, которые днем изредка занимаются земледелием, а ночью с обрезом под полой козуха и бутылкой самогона в кармане выходят на большую дорогу, чтобы грабить обозы Красной Армии, убивать активистов коммунистической власти или просто бесчинствовать. Такое извращенное представление об одной из самых боеспособных армий эпохи гражданской войны было весьма характерным для большинства тогдашних деятелей Красной Армии, причем оно настолько укоренилось, что даже десятилетия спустя его невозможно было вытравить из сознания некоторых красных военачальников. Так, например, Буденный даже на склоне лет своей жизни оставался в плену этого представления и в своих мемуарах «Пройденный путь» на полном серьезе уверял читателей, что махновская армия передвигалась на «повозках», по три человека на каждой..., причем на каждой из этих повозок «находилась бочка самогона и пьяная женщина».¹³ Можно было бы предположить, что это представление Буденного – результат старческого маразма или пропагандистский трюк, рассчитанный на несведущего читателя. Конечно, столь заостренная карикатурность высказывания Буденного, повидимому объясняется и тем и другим. Все дело однако в том, что на протяжении всей гражданской войны буквально всем крупным представителям красного командования было присуще неправильное представление об РПА, особенно о ее организационной структуре и принципах функционирования.

¹³ С.М. Буденный, *Пройденный путь*. Т. 2. Москва 1965, стр. 52.

Возьмем, например, известного деятеля гражданской войны, Р.П. Эйдемана. Он в 1920 году в течение нескольких месяцев возглавлял управление тылами юго-западного фронта. Основная задача этого управления состояла как раз в том, чтобы бороться с махновскими «бандитами». Казалось бы, к концу этого года он должен был бы понять, что кажущаяся раздробленность, изолированность отдельных партизанских частей друг от друга – это только внешняя видимость и что на самом деле все боевые партизанские группы связаны между собой и подчиняются единому командованию. Должен был бы он знать и то, что подвижные партизанские группы, рейдирующие в повстанческом районе были тесно связаны с местными подпольными группами и потому практически не было никакой разницы между партизанам, принимавшими участие в рейдах и теми, которые, находясь в подполье, оставались на месте. Между тем, ничего этого Эйдеман длительное время не знал и не понимал. Его неведение на этот счет было столь поразительным, что и по прошествию целого года он был глубоко убежден в том, что партизаны подполья и рейдирующие повстанцы не только не имеют между собой постоянной внутренней связи, но что они даже разделены географически: первые, по его мнению, избрали местом своих действий правобережную Украину, а вторые – ее левобережную часть. Именно на основе этой довольно странной концепции Эйдеман, при горячей поддержке М.В. Фрунзе, разработал даже специальную теорию по борьбе с «бандитизмом», которую изложил в инструктивной брошюре «Борьба с кулацким повстанчеством и бандитизмом», опубликованную впервые в журнале РСФСР «Революционный фронт» в декабре 1920 года. Так вот, согласно теории Эйдемана, все «партизанско-бандитские» отряды, действующие на Украине, подразделялись на «пассивные» и «активные». Пассивные бандиты – это местное контрреволюционное население, организованное в целях борьбы с советской властью. Такие банды встречаются преимущественно на правобережной Украине, а их идеология имеет ярко выраженную петлюровскую окраску. Эйдеман указывает также на характерную для подобных банд тактику партизанской борьбы. «В случае военной опасности, – пишет он, – эти банды собираются по условному сигналу, причем действия их в большинстве случаев сводятся к активной обороне своего села или волости. По минованию «опасности»

население возвращается к мирной жизни; остается только действовать разведка и выставляются заставы на дорогах для своевременного обнаружения противника.»¹⁴

Совсем другое дело – активные банды. Они в большинстве случаев неприкреплены к определенным населенным пунктам и действуют в зависимости от обстановки, кочуя из района в район.¹⁵ В противоположность пассивным бандитам, активные банды, якобы, не имеют собственного тыла, и потому всецело зависят от успеха бандитских действий. Махновские войска, по мнению Эйдемана, как раз и представляют собой тип активных банд. Как мы теперь знаем, такое решение вопроса было совершенно неверным, потому что в действительности так называемые «активные» партизаны в махновском районе просто не смогли бы существовать сколь-нибудь значительное время без «пассивных», потому что эти последние составляли резерв повстанческой армии. В этой связи неверным было также мнение Эйдемана и других красных военачальников о том, что, перейдя на партизанское положение, РПА не имела своего тыла и всех свойственных ему служб – например, снабженческой, медицинской и т.п. Она, конечно, имела и то и другое, только все это в условиях партизанской борьбы приобрело столь необычные формы и было так законспирировано, что для лиц, незнакомых со структурой махновской армии, первое время трудно было во всем этом разобраться. Строго говоря, для РПА, перешедшей на партизанское положение, тыл армии в традиционной форме вовсе и не был нужен. Она легко могла обходиться и без громоздких продовольственных обозов, обременительных санитарных, снабженческих и ремонтерских служб. Функции тыла для РПА выполняло определенным образом организованное местное население. Оно снабжало армию боевыми кадрами, обеспечивало тяговыми средствами, продовольствием и фуражем; оно же брало на свое попечение больных и раненых, укрывая их от органов ЧК и агентов Особых отделов армий, оно же помогало партизанам в восстановлении связи между отдельными «территориальными частями» и оно давало активных сотрудников для махновской разведки

¹⁴ *Революционный фронт*, Харьков, 1920, № 15-16, стр. 18.

¹⁵ Там же.

ведки и контрразведки, которые по тем временам не имели себе равных по эффективности.

Шпионы и разведчики повстанцев-махновцев, – писал один из участников противомохновской борьбы, – были в каждом селе, в каждом хуторе, шныряли повсюду и везде, то под видом нищих, то красно-армейцев, ищущих свои части, или рабочих с шахт, покупающих на уголь хлеб, то расклевывшихся дезертиров, даже бывших коммунистов, обиженных женщин, вдов и сирот, ищущих «защиты и правого суда» и т.д. Вот почему штаб махновцев всегда располагал самыми точными, тщательно проверенными и своевременными сведениями о всех красноармейских частях, их составе, передвижении, расположении, группировках и различных, даже моральных, свойствах, то есть противник обладал тем, чего у нас почти не было.¹⁶

Ни Всеукраинское ЧК, ни даже ВЧК, под руководством Дзержинского, прославившееся своей расторопностью по части «внедрения» в ряды «своих подопечных», не шли ни в какое сравнение с махновской разведкой и контрразведкой. В сущности, для ВЧК в лице Дзержинского, одно время руководившего противомохновской борьбой на Украине, равно как и для управления тылами Юго-западного фронта сам факт существования махновского тыла был обнаружен только в 1921 году! Р.П. Эйдеман в этой связи вспоминал в 1926 году:

Потребовался значительный промежуток времени, громаднейшие средства, пока мы в борьбе с Махно не установили, что у этого изворотливого, подвижного, непрерывно рейдирующего противника есть свой собственный тыл, который его питает, на базе которого он восстанавливает после поражения свою живую силу и вне которого немислимо его существование... впервые мы к этому выводу пришли в начале 1921 года.¹⁷

Вполне понятно, что к этому выводу необходимо было прийти еще осенью 1919 года, когда советское командование, как теперь выяснилось, обдумывало план, как удобнее одним махом расправиться с «внутренней контрреволюцией» в лице РПА. Тогда, возможно, это послужило бы хорошим предостережением против авантюризма в отношении Махно. Этого, однако,

¹⁶ М.В. Рыбаков, *Махновские операции в 1920 г. Красная Армия*, Москва, 1922, № 12, стр. 12-13.

¹⁷ Пятая годовщина одного урока. *Война и революция*, Москва, 1926, № 12, стр. 37. Курсив В.Л.

не случилось, и в ответственных кругах Красной Армии возобладало мнение, что РПА – это колосс на глиняных ногах, и эти ноги легко можно раздробить ударами пролетарского молота. Нападение Красной Армии на махновские части произошло без всякого «объявления войны» вскоре после того как 12 декабря 1919 года красные части освободили Харьков и двинулись в направлении Павлограда. Узнав совершенно неожиданно о том, что здесь дислоцирована значительная группа повстанческих войск, командование фронта выделило для разгрома своего «союзника» следующие части: 42 стрелковую дивизию, 3-ю бригаду Латышской дивизии, 13-ую кавалерийскую бригаду.¹⁸ Позже к этим частям была присоединена и 46-ая стрелковая дивизия. Готовя эту операцию, красное командование было уверено в том, что под Павлоградом им удастся окружить и разгромить крупные части Революционно-повстанческой Армии, также захватить штаб группировки, а вместе с ним и самого Махно, который, вопреки всяким ожиданиям, оказался не в Александровске, а именно здесь, на левом берегу Днепра.

Какую же линию поведения избрал Махно в свете сложившейся ситуации? Совершенно очевидно, что как с политической, так и военной точек зрения ему необходимо было уклониться от сражения и вывести свою армию из-под удара. Этим маневром Махно мог достигнуть сразу три цели: во-первых, сохранить боевые силы для предстоящей борьбы; во-вторых, политически скомпрометировать командование Красной Армии, как нарушившее военный союз с повстанцами и, в-третьих, избежать обвинения в пособничестве белым в самый критический момент противоденикинского наступления. Не удивительно поэтому, что когда Махно узнал о намерениях красного командования, он принял решение об отступлении из района Павлограда. В этой связи нельзя не отметить, что поскольку коммунистическая историография вела речь о первом столкновении частей Красной Армии с отрядами Махно осенью 1919 года, в ней как правило утверждалось, что повстанцы под Павлоградом были разбиты наголову. Как выразился военный историк А. Буйский, «махновцы были разбиты

¹⁸ См. И.Я. Типнер, *В огне революции*. Таллин 1964, стр. 274.

¹⁹ А. Буйский, *Красная Армия на внутреннем фронте*. Москва 1928, стр. 53.

впух и прах».¹⁹ Подобные утверждения в действительности являются неверными, потому что под Павлоградом Махно, в сущности, уклонился от боя и после незначительных столкновений, распустил свою армию, назначив ей место сбора вблизи Гуляй-Поля. В оценке Павлоградской операции Красной Армии куда более объективным, чем профессиональные военные историки 20-х годов (современные историки предпочитают вообще не вспоминать эту позорную страницу гражданской войны) оказался председатель Всеукраинского Революционного трибунала, Д. Лебедь, когда он писал по следам событий о том, что под Павлоградом Махно фактически не принял боя, а «сумел при помощи окрестных крестьян рассеяться.»²⁰ С настоящим сопротивлением махновцев Красная Армия впервые столкнулась лишь при штурме столицы «Махновии» – Гуляй Поля. Понятно, что с политической точки зрения, повстанцы не могли просто так отдать свою столицу в руки красных. И когда Красная Армия вплотную подошла к Гуляй-Полю, штаб повстанческой армии принял самостоятельное решение о его защите, несмотря на превосходящие силы противника и на то, что Махно в это время тяжело заболел тифом и находился в бессознательном состоянии. И вот тогда-то командование Красной Армии получило свое первое представление о том, какова действительная боеспособность повстанческих отрядов. Несмотря на то, что Красная Армия несколько раз атаковывала Гуляй-Поле и захватывала его, она в конце-концов все же вынуждена была отступить из махновской столицы, так и не разбив противника. Столь же незначительными были успехи Красной Армии и в борьбе с махновскими отрядами, дислоцированными южнее Гуляй-Поля. Правда, как сообщалось в одном из «бюллетеней ЦК КП(б)У» от 2 января 1920 года частям 14-ой и 13-ой армий удалось захватить и расстрелять в районе Тимошевки и Веселого (Южная Таврия) 700 махновцев, а возле Большого Токмака неожиданно напасть и тоже расстрелять тысячный отряд повстанцев.²¹ Но все же, если говорить в целом об итогах антимохновской операции Красной Армии в конце декабря 1919 начала 1920 годов, то она явно с треском провали-

²⁰ Д. Лебедь, *Итоги и уроки трех лет анархо-махновщины*. Харьков 1921, стр. 27.

²¹ *За власть советов*. Запорожье 1957, документ 126, стр. 105.

лась. Тайная война Красной Армии, таким образом, сделалась явной, не принеся взамен этого, никаких политических выгод советскому правительству. В этих условиях следовало, как подсказывала самая элементарная логика, отказаться, по крайней мере на время, от немедленной ликвидации махновской армии и сосредоточить все свои силы на добитии белых, тем более, что части Красной Армии в первых числах января уже достигли арьергардов бежавших в Крым белогвардейцев. 8 января Красная Армия заняла ключевой пункт к Крыму – Ново-Алексеевку –, а другие ее колонны сплошным потоком двигались от Мелитополя к Перекопу, казалось еще одно усилие, и враг будет сброшен в Черное море. Но куда там! Выведенное из равновесия своей неудачей в разгроме Махно, командование юго-западного фронта попрежнему, с упорством достойным лучшего применения, продолжало сосредотачивать все свои мысли и всю свою энергию на том, чтобы как можно скорее ликвидировать «язву профессионального партизанства», то есть Революционно-Повстанческую Армию. 8 января 1920 года оно издало приказ о переброске Революционно-Повстанческой Армии на границу с Польшей, якобы для обеспечения обороны западных границ советского государства. С военно-стратегической точки зрения, этот приказ был настолько бессмысленным, что он немедленно вызвал протест не только со стороны повстанцев, но и даже со стороны некоторых думающих советских военачальников. В частности, сразу же после выхода этого приказа, комкор 14-ой армии, И. Якир немедленно связался по телефону с командующим армией Уборевичем и членом реввоенсовета Юго-западного фронта, Сталиным, чтобы высказать им, что, во-первых, этот приказ не лезет ни в какие «стратегические ворота», а, во-вторых, что Махно и его армия ни в коем случае не уйдут из своего базового района. Ответ этих двух «выдающихся деятелей» достоин, чтобы привести его почти полностью.

Соответствующее отношение Махно к этому приказу, – говорили они, – даст нам возможность иметь определенный материал для нашего дальнейшего поведения... Приказ является известными политическим маневром и только, мы менее всего надеемся на положительные результаты в смысле его выполнения.²²

²² Цит. в Ф.Я. Левензон, Проти Махна на денікінському фронті. *Літопис революції*, Харків, 1929, № 4, стр. 275.

Итак, по откровенному признанию советского командования, цель приказа была провокационно-политическая, заранее рассчитанная на то, что Махно откажется выполнить этот бессмысленный и даже вредный (с военно-стратегической точки зрения) приказ и тем самым даст повод открыто объявить против него военные действия. Не случайно, что буквально на следующий день, то есть 9 января был заготовлен и подписан приказ об объявлении Махно вне закона.²³ В объявлении Махно вне закона проявилась такая спешка, что, повидимому, кто-то догадался, что публиковать приказ в тот же день было бы слишком откровенным, и потому это было сделано лишь 11 января, после того, как была соблюдена видимость ожидания ответа от Махно. Из всего этого видно, что Красное командование действительно очень надеялось на успех провокации. И этим надеждам суждено было сбыться. Махно и в самом деле отказался выполнить приказ. После этого Красное командование издало распоряжение о полной ликвидации махновской армии, думая, что на сей раз оно достаточно хорошо подготовилось для разгрома своего бывшего союзника. Однако, готовя провокацию оно и на этот раз недоценило ни боеспособности Повстанческой армии, ни организационного таланта Махно. Это стало очевидным сразу же, как только командование 14-ой армии приняло попытку разгромить Махно частями латышской дивизии, дислоцированной в Екатеринославе. Будучи уверенными, что основные силы Махно находятся в районе Александровска-Кривого Рога, как это и было до прихода Красной Армии, Сталин и Уборевич решили именно здесь взять реванш за свою неудачу на левом берегу Днепра. Тщательно подготовленный удар, однако, был нанесен в пустое пространство, потому-что, как вскоре выяснилось, в районе предполагаемого сосредоточения главных сил противника оказались лишь жалкие остатки некогда многочисленной группировки повстанцев. Но даже и эти части ухитрились уклониться от боя и двинулись на соединение с Махно. Их преследование частями Латышской дивизии, в сущности, превратилось, как выразился начальник штаба Второй ее бригады, Матсон «в погоню за призраком», а результаты были таковы, что Повстанческая армия вскоре

²³ Гражданская война на Екатеринославщине. Днепропетровск 1968, документ 195.

вообще была потеряна из поля зрения красного командования. «От Кривого Рога, – вспоминал много лет спустя Матсон, – мы повернули к Пятихатке и, непрерывно следуя за отступающим Махно, достигли сел Большая и Малая Софиевки, однако нам так и не удалось достигнуть главные его силы.»²⁴ Эта новая авантюра красного командования, будучи рассмотренной в исторической перспективе, оказала пагубное влияние на ход борьбы с белыми. Отвлеченное борьбой с Махно от противобрангелевского фронта, красное командование позволило фактически белым избежать полного погрома. В тот самый день, когда был издан приказ о переброске РПА на Польский фронт и все внимание этого командования было сконцентрировано на Махно, белые неожиданным ударом отбили у красных ключевой пункт к Крыму – Ново Алексеевку, заняли Крымский перешеек и стали готовиться к обороне.²⁵ Стало очевидным после этого, что борьба за Крым затянется надолго. Таким образом, итоговые результаты военной политики Красной Армии на Юге Украины в конце 1919 начале 1920 года были следующие: на внутреннем фронте ошибки этого командования привели к усилению политического влияния Махно, а на внешнем фронте Красная Армия фактически упустила верную возможность полного разгрома белых в самом начале 1920 года.

Наши официальные историки, как и следовало ожидать, стараются во что бы то ни стало оправдать эту политику и переложить вину за срыв операции по немедленному разгрому белых на Махно и РПА. Но поскольку для всего этого нет и не может быть никаких серьезных доказательств, они зачастую не останавливаются даже перед тем, чтобы фальсифицировать историю. Такая фальсификация имеет «давнюю традицию». Начало ей было положено вскоре после окончания гражданской войны, когда один из активных участников борьбы с Махно, одно время начальник Крымского участка Юго-западного фронта, а затем и начальник тыла этого фронта, Р.П. Эйдеман, совместно с военным историком Н. Какуриным договорился в их совместной работе «Гражданская война на Украине»²⁶ до

²⁴ Латышские стрелки в борьбе за советскую власть в 1917-1920 годах. Рига 1962, стр. 433.

²⁵ Я.А. Слащев, Крым в 1920 году. Москва 1923, стр. 38.

²⁶ Харьков 1928.

того, что стал утверждать, будто борьбы Красной Армии с Махно вообще не было до июня 1920 года, якобы потому что Красная Армия и не думала нападать на Махно, а этот последний, со своей стороны боясь мощи Красной Армии, все время тихо сидел в гуляйпольском районе и не предпринимал активных действий против советской власти.

В то время, – пишут Эйдеман и Какурин, – как Красная Армия была занята ликвидацией остатков деникинщины на Кубани и борьбой на подступах к Крыму, Махно действовал преимущественно в гуляйпольской районе, *свободном от наших войск*, и особой активности не проявлял.²⁷

Положение дел, якобы, резко изменилось после того, как Врангель, прорвавшись через Крымские перешейки, захватил в июне-июле северную Таврию и подошел к Бердянску и Александровску. Вот тогда-то Махно и нанес де предательский удар в спину советской власти. Воспользовавшись отвлечением советских войск, Махно предпринял несколько рейдов по Украине, нападая на тылы Красной Армии и тем самым помогая Врангелю. Так был создан миф о вторичном «предательстве» Махно и о его помощи злейшему врагу советской власти – белогвардейскому генералу Врангелю. Мы не будем вдаваться сейчас во всесторонние исследования тех причин, которые заставили Эйдемана пойти на сознательную фальсификацию. Отметим лишь, что, повидимому, это во многом объясняется тем, что в тех печальных событиях, о которых у нас пойдет ниже речь и которые действительно играли на руку Врангелю принимали участие многие крупные политические и военные деятели того времени: Сталин, Дзержинский, Орджоникидзе, Уборевич, Фрунзе, сам Эйдеман. Понятно, что в обстановке острой политической борьбы конца 20-х годов было весьма рискованно говорить правду о той роли, которую эти деятели играли на юге Украины в 1920 году. Сейчас обстановка изменилась, но, следуя «исторической традиции» наши историки продолжают говорить об истории антимахновской борьбы в том же духе, в каком о ней говорили Эйдеман и Какурин. При этом они, повидимому, более полагаются на авторитет Эйдемана, как заместителя Фрунзе по борьбе с бандитизмом, чем на изучение подлинных исторических фактов. Более того, они не хотят

²⁷ Указ. соч., стр. 55.

даже видеть тех противоречий, в которых запутался сам Эйдеман, когда сочинял свой миф о Красной Армии и Махно. Вот, например, одно из этих противоречий. Как мы только что видели, в «Гражданской войне на Украине» Эйдеман говорит о том, что Красная Армия не трогала Махно по крайней мере до июня 1920 года. Возьмем теперь 3-ий том «Истории гражданской войны 1918-1921 гг.»²⁸, ту самую историю, редактором которой и автором статьи о борьбе с Махно был сам Р.П. Эйдеман. Так вот, согласно этому источнику, получается так, что советские войска, оказывается, отсутствовали в махновском районе не всю первую половину 1920 года, а только до марта месяца, а затем были брошены на подавление Махно и достигли в этом отношении огромных успехов, разгромив, якобы, всю повстанческую армию в районе Гуляй-Поля и захватив у Махно почти всю артиллерию.²⁹ Со стороны Красной Армии эта мера, якобы, являлась вынужденной и была вызвана тем, что Махно *все время нападал на тыл юго-западного фронта, мешая борьбе против Врангеля*. Такая трактовка истории борьбы с Махно у Эйдемана 1930 года выглядит, конечно, более правдоподобной, чем у того же Эйдемана 1928 года, однако и она, как мы увидим из дальнейшего, в целом не соответствовала действительности. Это была попытка подправить миф, но не более. На самом же деле махновский район в течение всего 1920 года был буквально наводнен не только частями Красной Армии, но и войсками внутренней охраны республики (ВОХР), причем эти последние в июле месяце уже достигали 50-тысячной численности. Конечно это обстоятельство вынуждало партизанскую армию либо принимать бои с правительственными войсками, либо, избегая боя, рейдировать по тылам Южного и Юго-западного фронтов. Все это, разумеется, наносило ущерб боеспособности Красной Армии, однако кто же был виноват во всем этом в каждом конкретном случае? Чтобы ответить на этот вопрос, присмотримся поближе к историческим фактам.

Как только выяснилось, что борьба с Врангелем стала приобретать затяжной характер, Реввоенсовет Юго-западного фронта отнюдь не оставил мысли «разгромить» Махно. Однако на сей раз ни Реввоенсовет, ни командование фронта уже не

²⁸ гражданская война 1918-1921. Москва 1930.

²⁹ Указ. соч., стр. 334.

рисковало действовать наобум против РПА. Нужно было провести хотя бы какую-то разведку. И вот, 22 января в Гуляй-Поле появилась военная делегация Красной Армии, присланная сюда для переговоров с Махно. Согласно официальной версии основная цель этой поездки заключалась в том, чтобы еще раз предъявить ультиматум Махно. От него требовали ни больше, ни меньше как подчиниться приказу о переброске РПА на Польский фронт или, по крайней мере, полностью разоружиться. Не трудно заметить, что такое толкование основной цели военной делегации выглядит малоубедительным и, откровенно говоря, наивным. В самом деле, надо было обладать изрядной долей самоуверенности (или глупости – это как угодно) чтобы надеяться на то, что Батько выполнит приказ или разоружит свою армию после того, как красные неоднократно нападали на повстанцев, расстреливали их пачками, а затем, когда идея блицкрига провалилась, он сам и его сторонники были объявлены вне закона. Любой политик, находящийся в здравом уме, после всего этого не мог быть уверен в том, что вслед за разоружением не последует ареста всего актива РПА. Поскольку во главе Реввоенсовета Юго-западного фронта стояли вполне опытные политики, такие, например, как Сталин и Орджоникидзе, убежденные к тому же в том, что будучи выразителем кулацких интересов, Махно является злейшим врагом советской власти, который никогда добровольно не разоружится (вспомним, что именно эти соображения воодушевляли их при подготовке приказа о переброске РПА на Польский фронт в самом начале января 1920 года), постольку, конечно, отправляя делегацию в Гуляй-Поле, они совершенно не верили в то, что Махно в данном случае выполнит предъявленное ему требование. Есть все основания предполагать, что военная делегация к Махно была отправлена в целях военного и политического шпионажа, а официальная версия являлась лишь прикрытием этих целей. Подлинная цель делегации, повидимому, не являлась секретом для Махно. И он решил, что не станет попусту тратить время, когда узнал, какие требования ему предъявляют. Он сказался больным, отказался от личных переговоров, а на совещание отправил своих представителей. Делегация Красной Армии расценила все это довольно своеобразным образом: выдавая желаемое за действительное, она легко уверовала в тяжелую болезнь Махно, а в выступлениях

махновских представителей – узрела полнейшее смятение и подавленность духа. Получив, как этого и следовало было ожидать, отказ Махно, делегация в тот же день отбыла в Екатеринослав в полной уверенности, что с Махно можно покончить в самое ближайшее время. Уже 23 января Реввоенсовет Юго-западного фронта благословил, так сказать, командование 13-ой и 14-ой армий на разворот военных действий против РПА. В оперативном приказе 13-ой армии за № 014 от 23 января 1920 года в этой связи говорилось:

По данным политразведки, в селе Гуляй-Поле стоит штаб Махно, располагающий около 1000 штыков при 12 орудиях. Главные силы Махно разошлись по домам... Сам Махно в Гуляй-Поле и по сведениям – болен или умер. Среди главарей из штаба Махно полная растерянность. Для ликвидации в кратчайший срок штаба и банд Махно начдивам 42-ой и Эстонской приказываю: самым энергичным образом очистить район Гуляй-Поля, разоружить банду. Всех захваченных махновцев препроводить в г. Александровск. Приказываю: а) 42-ой дивизии охватить район Гуляй-Поля с севера и востока, б) Эстонской дивизии с юга и запада.³⁰

В конце января 2-ая и 3-ая бригады Эстонской дивизии дислоцировались южнее и западнее Гуляй-Поля, а на севере и востоке от него были расположены части двух бригад 42-ой дивизии. Гуляй-Поле, таким образом, было окружено сразу четырьмя бригадами общей численностью не менее 15 тысяч штыков. Наряду с этим в районе Павлограда были две бригады Латышской дивизии, которые должны были недопустить прорыва махновских частей на север и которые также могли быть в любой момент брошены против повстанцев. Над Гуляй-Подем нависла грозная опасность, и потребовался несомненный военный талант Махно, чтобы в этих условиях избежать полного разгрома РПА. Зная как хорошо была налажена разведка у Махно, трудно допустить, чтобы он не догадывался о смысле всех этих приготовлений красного командования. Несмотря на это, он не покинул Гуляй-Поле и принял казалось бы «безумное» решение защищать свою столицу наличными силами. С точки зрения традиционной военной науки, Махно этим обрекал себя на верное поражение, и это, естественно, укрепляло уверенность красного командования в успехе предстоящей операции.

³⁰ ЦГАСА, фонд 1656, опись 1, ед. хр. 64, лист 25.

В начале события развивались именно так, как это было предусмотрено планом красных. После ряда ожесточенных боев на подступах к Гуляй-Полю, частям 42-ой дивизии удалось ворваться в поселок. Победа казалась настолько обеспеченной, что информационные органы 13-ой армии сразу же поспешили оповестить всю Украину об этой победе. 3 февраля 1920 года в харьковской газете «Коммунист» в этой связи сообщалось: «При ликвидации банд Махно в районе Гуляй-Поле нами захвачено 13 орудий, 8 пулеметов, 1 бомбомет, 300 пленных, 1200 винтовок, 60 лошадей и другие трофеи». Сообщение о победе над Махно явилось, однако, преждевременным, потому что вскоре произошло нечто такое, что сразу же спутало все карты красного командования и свело на нет временный успех. Гуляй-Поле было, конечно, захвачено, взяты были и указанные выше трофеи, но при всем том в поселке не оказалось ни ставки Махно, ни того его тысячного отряда, о котором говорилось в разведывательном сообщении. Они исчезли, будто провалились сквозь землю. А далее события развивались следующим образом. Исчезнув из Гуляй-Поля, Махно вместе со своим отрядом объявился в 25 километрах севернее его и начал отсюда совершать налеты на части 42-ой дивизии, разместившейся как в самой столице Махновии, так и окрест нее. Стала подвергаться непрерывным атакам небольших, но прекрасно вооруженных, партизанских групп и эстонская дивизия. Нападая на красные части там и тогда, где и когда их менее всего ожидали, партизанские группы, словно амазонские пираньи, буквально на куски рвали красные части, уходя при этом совершенно безнаказанно. Об этом говорит также эстонский историк И.Я. Типнер: «После бегства Махно из Гуляй-Поля, бандитизм охватил еще большую территорию. Изменив тактику, банды начали действовать множеством мелких групп.»³¹

Видя, что победа над Махно оказалась иллюзорной, командование 42-ой дивизии, на которое была возложена ответственность за проведение всей антимахновской операции дало указание, чтобы в Гуляй-Поле вошла Эстонская дивизия, а 42-ая начала преследовать отряд Махно, чтобы окружить его и уничтожить. Прошло около суток, как части 42-ой дивизии ринулись на север от Гуляй-Поля, чтобы сразиться здесь с Махно.

³¹ И.Я. Типнер, В огне революции. Таллин 1964, стр. 275.

И вдруг в штаб дивизии пришло невероятное сообщение: Махно захватил в плен всю Эстонскую дивизию и полностью разоружил ее.³² Как впоследствии выяснилось, ничего невероятного в этом событии не было. В Гуляй-Поле все произошло так, как это, повидимому, задумал Махно в соответствии со своей тактикой. Дело в том, что Махно вовсе не ставил своей задачей во что бы то ни стало удержать Гуляй-Поле той тысячью повстанцев, о которой говорилось в приказе 13-ой армии от 23 января 1920 года, и если бы командование 42-ой дивизии серьезно отнеслось к делу, его, несомненно, должен был насторожить тот факт, что Махно не только не стремился уйти от окружения, но явно напрашивался на него. Не надо было обладать особой проницательностью, чтобы увидеть, что здесь имеется какой-то умысел. Этому, однако, не придали никакого значения, полагая, вероятно, что подобное поведение Махно – следствие его полной безграмотности в вопросах военной науки. Вот это тупое высокомерие командования 42-ой дивизии и сыграло на руку Махно. Основу его стратегического плана составляла идея завлечения противника в Гуляй-Поле с последующим нападением на него партизанскими отрядами. Действия 42-ой дивизии, в сущности, помогли Махно блестяще осуществить этот план разгрома своего противника. В самом деле, как только стало очевидным, что к Гуляй-Полю прикована значительная часть боевой силы 42-ой дивизии, Махно немедленно распустил регулярные части РПА, находящиеся в Гуляй-Поле и назначил место сбора в тылу 42-ой дивизии. В то же время, действуя небольшим отрядом, он неожиданно прорвал окружение и объявился в 25 километрах севернее Гуляй-Поля. Чтобы выполнить приказ командования 13-ой армии по разгрому Махно 42-ой дивизии было бессмысленно оставаться в Гуляй-Поле и ей не оставалось сделать ничего другого, как только погнаться за Махно. Между тем, в самом Гуляй-Поле события развивались следующим образом. С приходом сюда частей Эстонской дивизии, в поселок под прикрытием ночи стали просачиваться партизаны. Пользуясь поддержкой местного населения, они получали надежное укрытие и ждали своего часа. Когда Махно вторично появился в окрестностях Гуляй-Поля, причем на этот раз его отряд был значительно увеличен, партизаны в назна-

³² А. Буйский, Красная Армия на внутреннем фронте, стр. 57.

ченный момент высокочили на улицы поселка и по строго разработанному плану приступили к окружению и разоружению частей дивизии. С шеститысячной военной группировкой красных было покончено буквально в считанные минуты, и Батько триумфатором въехал в родное село. После этого 42-ая дивизия уже не рискнула преследовать Махно и отступила от Гуляй-Поля. Январско-февральская операция советского командования против Махно, таким образом, с треском провалилась. Что касается пленных красноармейцев, Махно приказал снять с них шинели и сапоги, дать взамен какую-нибудь ветошь и отправить пешком в Александровск. Потрясенные сначала страхом смерти, а затем радостью спасения эстонцы гурьбой покинули Гуляй-Поле и двинулись в Александровск, где в это время находился штаб дивизии.

Дивизия была доформирована еще одной бригадой и вновь брошена на подавление махновского движения. Согласно новому приказу командования, первая бригада Эстонской дивизии, в составе 1-ого и 2-ого полков должна была действовать в районе Жеребца-Новопавловки-Белицкого-Орехова; вторая бригада, в составе 5-ого и 6-ого полков – в районе Полог - Токмачки - Гайчура - Нововасильевки - Цареконстантиновки - Карловки; третьей бригаде было приказано начать операции в районе Гуляй-Поля - Новогириевки - Веселого - Семеновки - Блюменталя - Вальдорфа. Кроме того, были выделены особые группы, чтобы держать под наблюдением Большой Токмак и Мелитополь.³³ На сей раз численность Эстонской дивизии равнялась 9 тысячам человек. В противомахновской операции продолжали также принимать участие все части 42-ой дивизии, Латышский стрелковый полк, дислоцированный на станции Чаплино и 3-ья бригада Латышской дивизии, дислоцированная по линии Орехов - Большой Токмак - Чаплино.³⁴ Повстанческий район, таким образом, вновь оказался наводненный частями Красной Армии, численность которых превышала 20 тысяч бойцов. Как видим провал махновской операции конца января – начала февраля 1920 года так ничему и не научил руководство Реввоенсовета Юго-западного фронта, ко-

³³ См. И.Я. Типнер, указ. соч., стр. 276.

³⁴ Т.Я. Драудин, Боевой путь Латышской стрелковой дивизии в дни октября и в годы гражданской войны. Рига 1960, стр. 113.

торое с фанатическим упорством продолжало бросать в повстанческий район все большие и большие силы, несмотря на то, что этим, несомненно, тормозилась борьба с Врангелем. И напрасно Р.П. Эйдеман, командовавший в то время Крымским участком фронта, буквально умолял командарма 13-ой, чтобы этот участок был пополнен дополнительными воинскими соединениями. Напрасно он забрасывал его телеграммами, в которых говорил, что в противном случае Врангель получит возможность «производить дальнейшие возведения укреплений..., приводить за линией укрепления в порядок свои части и подготавливать их к активным действиям».³⁵ Эти мольбы Эйдемана были гласом вопиющего в пустыне. Единственно, чего он в итоге добился, так это того, что вскоре был снят с командования и сделан начальником тыла Юго-западного фронта по борьбе с бандитизмом. Надо полагать, что попустительствуя военным приготовлениям Врангеля, красное командование надеялось, что связанные с этим издержки, будут с лихвой искуплены после победы над Махно, которая будет достигнута не нынче, так завтра. Этого, однако, не получалось. Видя себя на сей раз окруженным превосходящими силами противника, Махно уклонился от сражения и предпринял свой первый рейд по Екатеринославской и Донецкой губерниям. Принимая это решение, Махно понимал, что уходя из своего района, он тем самым лишится партизанского тыла и что, с другой стороны, в ходе предстоящего рейда ему придется не раз сталкиваться с частями Красной Армии, которая несомненно будет преследовать его. В этих условиях партизанская структура армии была неадекватна поставленной задаче. И поэтому, прежде чем двинуться с походом, Махно отдал приказ о переводе некоторых частей повстанческой армии на регулярные начала и создал в высшей степени маневренный, хорошо вооруженный отряд, который имел пехоту, кавалерию, артиллерию и все необходимые вспомогательные службы: обоз, лазарет, ветеринарную службу и т.д. Отряд состоял из трех полков пехоты, посаженной на тачанки, двух полков кавалерии, одного пулеметного полка, одного артдивизиона, да «черной» батьковой сотни – личной охраны Махно в 150-200 сабель и 50-60 «люйсов» – ручных пулеметов. В начале Махно вел оборонительные бои

³⁵ Д.В. Панков, Комкор Эйдеман. Москва 1965, стр. 60.

вокруг Гуляй-Поля, стягивая сюда основные силы противника. В середине февраля он разбросал части 42-ой, Эстонской и Латышской дивизий, прорвал кольцо окружения и «пошел гулять» по тылам Юго-западного фронта. В конце февраля со значительно возросшим отрядом, с громадным обозом боеприпасов и обмундирования, Махно возвратился в повстанческий район и без труда выбил из Гуляй-Поля находящиеся здесь части 42-ой дивизии. Какова была реакция красного командования на появление Махно в Гуляй-Поле? Она осталась прежней. 7 марта 1920 года командующий Юго-западным фронтом разразился очередным приказом за № 227. В этом приказе, между прочим, говорилось:

...Объявляя ниже руководящие указания по борьбе с бандитизмом, приказываю: 1) Начальнику тыла фронта, в подчинение которого передаю из фронтового резерва Латдивизию и 21-ую бригаду 7-ой дивизии с 7-ым кавалерийским полком и из армейского резерва 14-ой армии 121-ую бригаду 41-ой дивизии, в кратчайший срок разгромить частями Латдивизии: ...остатки махновцев и других банд в районе Верхнеднепровск-Екатеринослав-Александровск-Пологи-Цареконстантиновка-Чаплино-Павлоград... 2) Для усиления частей Латдивизии, в распоряжение Наштаюгозала назначить из числа окончивших ремонт два бронепоезда, которые по указанию начальника тыла фронта немедленно направить начальнику Латдивизии, бригады 7 и 41-ой дивизии...³⁶

Кроме того, в распоряжение начальника тыла фронта была передана также 2-ая бригада Эстонской дивизии в составе 5-ого и 6-ого полков.³⁷ Таким образом, в начале марта против Махно вновь были сосредоточены громадные силы, а кроме того сюда были направлены два бронепоезда, которые должны были курсировать по железнодорожным путям севернее Гуляй-Поля и не давать возможности повстанцам прорваться за кольцо окружения в тот момент, когда они, как надеялось советское командование, будут окружены и разбиты главной группировкой красных войск, которую возглавил попавший в немилость начальник Крымского участка фронта, а ныне начальник тыла Юго-западного фронта, Р.П. Эйдеман. Но Махно недаром ходил в рейд. Здесь, как уже отмечалось, он увеличил

³⁶ За власть советов. Запорожье 1957, документ 142, стр. 119-120.

³⁷ И.Я. Типнер, указ. соч., стр. 278.

регулярную группу своей армии и добыл значительное количество вооружения и боеприпасов, так что при желании он мог еще более увеличить регулярную группу войск и оказать противнику достойное сопротивление. Так это и произошло, несмотря на первоначальные успехи, Латышской и Эстонской дивизиям, дополненным потом частями 42-ой дивизии, не только не удалось окружить главные силы Махно и уничтожить их, но даже нанести какой-нибудь значительный урон. Ко второй половине марта красноармейские части были настолько измотаны бесконечной погоней за повстанцами и стычками с ними, что полностью утратили свою боеспособность, так что о проведении наступательных операции против Махно говорить уже не приходилось. Укрепившись в районе сел Великомихайловка и Гавриловка, Махно в течение всего марта месяца успешно отражал атаки красных частей и нередко переходил в контр-наступление. Махно, казалось, мог надеяться на передышку, тем более, что в марте месяце на Крымском участке фронта красных происходила перегруппировка частей и подтягивание тылов для защиты Севашского и Чонгарского мостов.³⁸ Однако ожидаемой передышки не получилось. 29 марта части 46-ой дивизии вновь захватили Гуляй-Поле и повели массированное наступление на повстанческую армию, которая отошла к Павлограду и здесь вела оборонительные бои. В апреле месяце над ней вновь нависла угроза разгрома, причем такая серьезная, что ее нельзя было поставить ни в какое сравнение со всем тем, что было раньше. 2 апреля 1920 года в Харьков из Донбасса прибыл Буденный. В этот же день Харьковская газета «Коммунист» с гордостью сообщала об этом в статье «Вождь красной конницы – товарищ Буденный в Харькове». Формально это был визит вежливости командующего Первой конармии украинскому правительству. Но в этом визите содержался и другой умысел: поближе познакомиться с положением дел в соседнем повстанческом районе и совместно с командованием Южного и Юго-западного фронтов разработать общий план борьбы с Махно. Предполагалось, что Первая конная, двигавшаяся с Дона на советско-польскую границу скоординирует свои действия с 46-ой дивизией, 9-ой бригадой 3-ей стрелковой дивизии (переброшенной в район Орехов-Пологи из под Таганрога), с

³⁸ Д.В. Панков, указ. соч., стр. 60.

Чаплинской группой войск, блокирующей отход Махно на север и особым отрядом 13-ой армии в 1500 штыков и 200 сабель, находившимся северо-восточнее повстанческого района, с тем, чтобы окончательно разгромить РПА.

К началу похода конармии на повстанческий район (23 апреля) Махно все еще находился под Павлоградом. Он не особенно торопился возвращаться в Гуляй-Польский район, а предпочитал «гулять» в окрестностях этого города. В оперативной сводке штаба тыла армии от 22 апреля сообщалось, что накануне днем банда Махно численностью до 300 сабель некоторое время крутилась возле Павлограда, а затем двинулась к станции Чаплино, повидимому с намерением пересечь здесь линию железной дороги и уйти в Гуляй-Поле.³⁹ В этой связи чаплинской группе войск ставилась задача недопустить просачивание банды через железнодорожную линию в районе Чаплино-Синельниково.⁴⁰ Из разведанных Махно, видимо, узнал о том, что в районе Чаплино сосредоточена значительная группа красных войск и решил уклониться от боя. 23 апреля оперсводка штаба тыла армии сообщала, что, подойдя к Чаплино, Махно, не принимая боя, ушел к Павлограду, затем резко повернул на юг, после чего его след был вообще потерян советской разведкой. Все полагали, что он, повидимому, пошел к Гуляй-Полю.⁴¹ Однако через два дня, то есть 25 апреля, махновцы вновь появились в поле зрения красного командования. Именно в этот день они внезапно появились в Донецкой губернии, захватили станцию Марьинку, где разоружили 377 стрелковый полк трудовой армии.⁴² К этому времени конная армия находилась уже вблизи Юзовки (ныне Донецк) и Махно, несомненно, знал, что на повстанческий район движется лавина конной армии Буденного, которая имела приказ Реввоенсовета республики уничтожить самым беспощадным образом махновских повстанцев.⁴³ После взятия Марьинки Махно стремительно повернул к Гуляй-Полю, чтобы организовать здесь оборону и подготовиться к предстоящим боям. В столицу Махновии отряд пришел в ночь

³⁹ Сборник трудов военно-научного общества. Т.2. Москва 1922, стр. 87.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² С.М. Буденный, Пройденный путь. Т.2, стр. 52.

⁴³ Там же, стр. 51.

с 26 на 27 апреля. Здесь, однако, его ожидало еще одно неприятное известие: буквально накануне в окрестностях Гуляй-Поля со стороны станции Пологи объявилась 9-ая бригада 3-ей стрелковой дивизии красных, а в районе станции Гайчур особый отряд красных в 1500 штыхов и 200 сабель. По всему было видно, что красное командование специально дожидалось Махно, чтобы окружить его в Гуляй-Поле и если не разгромить его здесь полностью, то во всяком случае не выпускать из поселка до прихода конной армии. Махно легко разгадал этот замысел противника и, несмотря на неравенство сил с его стороны, обрушился на противника.

Теперь последуем за рассказом комбрига 9-ой А. Яцко, который в своей работе «Борьба с бандитами Махно в Гуляй-Польском районе в апреле 1920 года» довольно толково описал и сам ход боя и ту своеобразную тактику, какую Махно применял в борьбе с Красной Армией. Согласно приказу Яцко, свой основной удар по повстанцам бригада должна была нанести силами 25-ого и 27-ого стрелковых полков, а остальные части бригады должны были блокировать все пути отступления из Гуляй-Поля.⁴⁴ На рассвете 28 апреля, сообщает Яцко,

части 25-ого и 27-ого стр. полков при подходе к Гуляй-Полю были встречены ружейным и пулеметным огнем противника, который, однако, при открытии нашими частями ответного оружейного и пулеметного огня, не принимая дальнейшего боя, оставил Гуляй-Поле. Части, заняв южную окраину села, начали продвигаться далее. Тем временем обе группы главных сил противника (накануне выведенные из Гуляй-Поля-В.Л.) сгруппировались: одна в балке, что идет от деревни Николаевки на запад вдоль ж.д., а другая – в балке, что идет от Гуляй-Поля вдоль правого берега реки Гайчур, одновременно начали заходить с тыла 25-ого и 27-ого стрелковых полков. Командиры 25 и 27 стрелковых полков, получив донесения от разведчиков о группировке противника, начали уводить свои части из Гуляй-Поля, но были обстреляны сильным оружейно-пулеметным огнем из дворов и окон строений села, что значительно замедлило их отход. Противник же, превосходивший нас своей подвижностью и воспользовавшийся вынужденным замедлением отхода из села наших частей внезапно всей массой обрушился на фланги и тыл 25-ого и 27-ого стрелковых полков, смял и изрубил таковые, захватил все орудия и все пулеметы 25-ого стрелкового полка. Уцелевшие остатки полков вместе с пулеметами 27 стрелкового полка

⁴⁴ См. Сборник трудов военно-научного общества. Т.2, стр. 88-89.

в беспорядке начали отходить на село Марфополье, преследуемые противником. К этому времени 26-ой стрелковый полк, только что подошедший к станции Гуляй-Поле (в семи верстах от села-В.Л.) и не знавший о разгроме 25 и 27 полков, подвергнулся такому стремительному удару со стороны противника, что не в состоянии был выдержать атак и, потеряв до 60 человек убитыми и ранеными и 4 пулемета, отступил на Орехов.⁴⁵

Итак разгром 9-ой бригады был полный. Однако Махно не успел еще привести в порядок свои войска, как над Гуляй-Подем в тот же день нависла 14 кавдивизия Конной армии под командованием прославляемого советской исторической наукой А.Я. Пархоменко. Вместе с ней севернее Гуляй-Поля объявились также 4-ая и 6-ая кавдивизии. В общей сложности в районе Гуляй-Поля было около 20 тысяч конников. В этих условиях Батько, конечно, не мог рассчитывать на победу, и его главная цель состояла теперь в том, чтобы уклониться от удара и вывести из окружения основной костяк своей армии. Прежде всего махновской разведке удалось дезинформировать Пархоменко относительно количества повстанцев, находящихся в Гуляй-Поле. По словам Буденного, Пархоменко был убежден в том, что в поселке находится до 2 тысяч «бандитов», имеющих в своем распоряжении 3 орудия и 50 пулеметов на тачанках.⁴⁶ В действительности же, как это следует из статьи Яцко, у повстанцев было не более 400 сабель. Пархоменко не рискнул с хода взять Гуляй-Поле и назначил его штурм на утро 29 апреля. Благодаря выигрышу во времени, Махно удалось подтянуть к Гуляй-Полю партизанские части, вооружить и организовать добровольцев. Ранним утором 29 апреля Пархоменко бросил на Гуляй-Поле одну из своих бригад, которая должна была завершить окружение повстанцев с юга. Этот маневр Пархоменко, однако, не удался. С решимостью отчаявшихся махновцы приняли сабельный удар, опрокинули дивизию и, повернув на север, рванулись к Новопавловке. Здесь, однако, они натолкнулись на части 4-ой кавдивизии, которая немедленно предприняла против них атаку, но махновцы и на этот раз сбили наступление дивизии, вырвались из окружения и ушли в направлении села Богатырь, где снова напоролась на встречный удар, на этот раз 6-ой кавдивизии. Завязался ожес-

⁴⁵ Там же, стр. 91.

⁴⁶ Указ. соч., стр. 51.

точный сабельный бой и опять, благодаря мужеству повстанцев и полководческому искусству Махно, им удалось ускользнуть из окружения. Из поступавших со всех концов донесений Махно теперь мог составить полное представление о размахе карательной операции против него. Шесть отборнейших дивизий, каждая из которых состояла по крайней мере из 12 тысяч конников, двигались сплошным потоком по повстанческому району и прочесывали буквально каждый километр его территории. Безумным было бы надеяться, что небольшой отряд в 1-2 тысячи сабель сможет противостоять этому всеограждающему потоку. Речь теперь шла уже не о том, чтобы отбить атаку противника или «просто» выйти из окружения, а гораздо более серьезном: о спасении кадрового состава Революционно-повстанческой армии. В начале мая, когда стало известно, что командование Конной армии не особенно торопится на польский фронт, а засело в Павлограде и отсюда руководит наступательными операциями против РПА, Махно распустил все отряды и перешел исключительно к партизанским методам борьбы. Где-то в середине мая он принимает решение об организации нового рейда по тылам Юго-западного фронта в целях пополнения истратенных в боях с Конармией вооружения и боеприпасов. В соответствии с этим решением в спешном порядке были сформированы два отряда, каждый из которых состоял не менее чем из тысячи бойцов, и 20 мая они двинулись в рейд. Один из них под командованием Петренко-Платонова двинулся на север Екатеринославской губернии, а другой, под командованием самого Махно, вихрем закрутился по Александровскому уезду.

К августу 1920 года окончательно выяснилось, что стратегическая концепция советского командования, рассчитанная на борьбу на два фронта, причем с перенесением центра тяжести военных действий в повстанческий район, потерпела полный крах. Если говорить о внешнем фронте революционной России на просторах южной Таврии, то здесь события развивались именно так, как это предсказывал еще в феврале 1920 года Р.П. Эйдеман. Благодаря тому, что красное командование бросило значительную часть своих войск на подавление махновского движения и пренебрегало нуждами Крымского участка Юго-западного фронта, белогвардейцы действительно получили возможность перегруппировать свои силы и провести форти-

фикационные работы по укреплению своих позиций, но также значительно увеличить численность своей армии, доведя ее в начале июля до 20 тысяч штыков и сабель.⁴⁷ Против этой группировки противника в нижней Таврии располагались лишь разрозненные части 13-ой армии в количестве 12 тысяч 765 штыков и сабель.⁴⁸ Что же касается других частей этой армии, то они занимались бессмысленной погоней за Махно. Этим в полной мере воспользовался сменивший Деникина по командованию белой армией, генерал Врангель. В начале июня корпус генерала Слащева вышел на судах из Феодосии, вошел в Азовское море и высадил свой десант в районе Кирилловки. Его задача состояла в том, чтобы, наступая отсюда на запад, захватить Мелитополь и затем ударить в тыл 13-ой армии. После ожесточенных боев, генерал Слащев 9 июня захватил Мелитополь, а 23 июня линия фронта уже шла полукольцом от Ногайска через Большой Токмак к левому берегу Днепра. Это явилось следствием того, что 13-ая армия, боясь окружения, в спешном порядке отступила на север. Но этот прорыв Врангеля в южную Таврию явился лишь началом широко задуманной военной операции. Уже 14 августа врангелевцы вплотную подошли к Орехову, а к 20 сентября белые, развивая наступление, вынудили Красную Армию оставить Орехов, отойти к Александровску и в спешном порядке отступить на правый берег Днепра.⁴⁹ 28 сентября Первая Донская дивизия Врангеля с боем овладела Мариуполем и двинулась на Волноваху, угрожая вырваться на Кубань. Положение на Южном фронте сделалось критическим.

Для Ленина и ЦК РКП(б) это стало очевидным сразу же после того, как было получено известие об общем наступлении Врангеля. Именно тогда Ленин незамедлительно опубликовал обращение ко всем партийным организациям с требованием перенесения центра тяжести всей партийной работы на дело организации разгрома Врангеля. Примечательно, что эта работа Ленина впервые была опубликована в нашей печати лишь в 1958 году.⁵⁰ Почему же так долго замалчивалась эта работа

⁴⁷ Гражданская война 1918-1921. Т.3. Москва 1930, стр. 474.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ ЦГАОР, фонд 130, опись 4, ед.хр. 402, листы 90-108.

⁵⁰ См. Из истории ВЧК 1917-1921. Москва 1958, стр. 398-399.

Ленина? На мой взгляд потому, что в нем Ленин дал недвусмысленную критику всей тогдашней военной политики, проводимой на Юго-западном фронте. В этом «Обращении» между прочим говорилось:

На Крымском фронте мы теперь расплачиваемся только за то, что зимой не добились остатков деникинских белогвардейцев. Голод, разруха транспорта, нехватка топлива будут длиться дольше потому что в свое время не было проявлено достаточной энергии, настойчивости и решительности в доведении до конца уничтожения южной контрреволюции... Партия должна понять, что если Врангелю удалось его первые шаги, то только и исключительно потому, что партия не обратила на крымский гнойник достаточного внимания и не срезала его единым и решительным ударом... В ближайшие дни внимание партии должно быть сосредоточено на Крымском фронте!⁵¹

Я потому привел эту длинную цитату из «Обращения», что она, как мне представляется, раскрывает чрезвычайно важный момент в военной политике ЦК РКП(б) на юге Украины. В сущности это обращение свидетельствует о том, что с начала наступления Врангеля и его первых успехов ЦК РКП(б) поставил под сомнение политику борьбы на «два фронта» в повстанческом районе и в принципе снял запрет на создание единого фронта антиврангелевских сил. Только под этим углом зрения и можно понять смысл тех горьких упреков, которые ЦК РКП(б) сделал в адрес партии, что на Крымском фронте государство и народ расплачивались только за то, что зимой 1920 года не были добиты деникинские белогвардейцы. Без высказанного мною предположения эти упреки, конечно, выглядят совершенно непонятно: ведь суть вопроса заключалась не в том, что партия не обратила достаточного внимания на «крымский гнойник» (это было ясно, например, еще весной 1920 года Эйдеману, а после успешного наступления Врангеля – всем без исключения), а в том, как могло случиться, что этого внимания оказалось недостаточно и что в этой связи нужно было сделать для того, чтобы прежние ошибки более не повторялись. Наивным было бы думать, что ЦК РКП(б) определявший всю военную политику советской России, полагал, что «недостаточное внимание» к Крымскому участку Юго-западного фронта объ-

⁵¹ Цит. по сборнику: В.И. Ленин и ВЧК. Москва 1975, стр. 394.

яснялось просто беспечностью военных и партийных органов. Если, тем не менее ЦК РКП(б) все же бросил в их адрес указанное обвинение, то совершенно очевидно, что при этом он имел в виду нечто совсем иное, чем простую беспечность. Ответ на этот вопрос может быть только один: причину «недостаточного внимания» к делу борьбы с Врангелем ЦК РКП(б) определенно усматривал в самой основе тогдашней военной политики на Украине, которая базировалась на том положении VIII партийной конференции, что именно борьба с Махно является залогом победы над белыми. В «Обращении» ЦК РКП(б) об этом, конечно, прямо не говорится, но это молча подразумевается, потому что руководящему ядру партии хорошо было известно, в силу каких причин Красная Армия «оставила без внимания» Врангеля, оголила Крымский участок Юго-западного фронта и на протяжении более полугода, будто в горячке, металась по степям Украины за Революционно-повстанческой армией. Спрашивается теперь, для чего понадобилась эта дипломатия с довольно прозрачными намеками на «недостаточное» внимание к Крымскому участку фронта? Думается, что это объясняется двумя причинами. Прежде всего, открытое признание ошибок в военной политике должно было немедленно привести к пересмотру основных решений VIII партийной конференции, что по тогдашним условиям было крайне нежелательно. Во-вторых, такое признание ошибок дало бы крупные козыри в руки политических противников большевизма. «Обращение» ЦК РКП(б), несомненно, учитывало все это, и потому в нем, с одной стороны, подготавливалось общественное мнение партийных кругов к имеющему возникнуть союзу антиврангелевских сил коммунистов и других политических групп, а, с другой стороны, не вдаваясь в подробности, указывалось на необходимость прекращения военных действий против повстанческих групп, стоявших на противоврангелевской платформе. Как бы там ни было, но это «обращение» несомненно способствовало тому, что уже в середине сентября Красная Армия фактически прекратила свои операции против РПА, так что последняя, воспользовавшись «передышкой», к концу месяца сгруппировалась в местечке Беловодск, Старобельского уезда Харьковской губернии (ныне это – Ворошиловоградская область). В количественном отношении армия к этому времени равнялась 12 тысячам. Расположив свою ставку в глухом и труднодоступном

поселке, Махно занял выжидательную позицию и стал наблюдать, как будут развиваться события на противоврангелевском фронте. Естественно, что нейтралитет по отношению к Махно позволил советской власти высвободить в сентябре «с внутреннего фронта» значительные силы и бросить их против Врангеля. Предпринимая эту акцию, советское командование, надо полагать, теперь уже было уверено, что Махно не нанесет Красной Армии предательского удара в спину.

Как было заключено IV (октября 1920 года) военно-политическое соглашение советского правительства с Революционно-Повстанческой Армией.

Первоначально советское командование, повидимому, надеялось разгромить Врангеля исключительно силами Красной армии. Так, в своей телеграмме от 4 августа 1920 года, член РВСР, И.В. Сталин, сообщая В.И. Ленину о положении на Юго-Западном фронте и о вероятном развитии дальнейших событий, ничего не говорит о возможном союзе советской власти с некоммунистическими антиврангелевскими силами и связывает планируемую победу над противником только с действиями Красной армии. «Врангель будет сбит, – самоуверенно телеграфирует он, – в ближайшие дни, а если Главком перебросит нам кавалерию, Врангель будет вовсе ликвидирован к началу осени.»⁵² Давая столь самоуверенный прогноз на будущее, Сталин, повидимому, исходил при этом из того, что боевая мощь Красной армии в первой линии врангелевского фронта, совместно с ближайшими резервами, в августе месяце значительно превосходила боевую мощь врангелевцев. Согласно данным командования Юго-Западного фронта, противник в августе месяце имел: 14820 штыков, 9090 сабель, 1039 пулеметов, 235 орудий, 33 самолета, 13 бронепоездов, 13 танков, 23 броневика. В то же самое время Красная армия на данном участке фронта обладала следующей мощью: 26100 штыков, 4150 сабель, 1177 пулеметов, 272 орудия, 14 бронепоездов, 16 автобронепоездов, включающих от 16 до 22 машин, один танкоотряд, 12 авиаотрядов в среднем по 22 самолета.⁵³ Тот факт, что Красная армия уступала белым в коннице, с лихвой восполнялся ее превосход-

⁵² Из истории гражданской войны в СССР. Т.3. Москва 1961, стр. 339.

⁵³ Там же, стр. 389.

ством в пехоте и технике. Такое превосходство, разумеется, давало известное основание для оптимизма, но, конечно, не для самоуверенности, которой кстати говоря, был заражен не только один Сталин, но и все высшее командование. В своих прогнозах оно, вопреки очевидным фактам, явно переоценивало свои стратегические проекты и недооценивало боевой выучки и одаренности высшего врангелевского командования. Несомненно, этой самоуверенностью и объясняется то, что красное командование совершенно проигнорировало предложение Махно, сделанное им в августе, об организации совместных операций против Врангеля и даже не сочло нужным ответить на присланную им телеграмму. Вероятнее всего, высшее советское руководство возлагало свои главные надежды на организацию нового, Южного фронта, командование которого могло бы из одного центра руководить всеми военными операциями на юге советской республики. К концу сентября, однако, стало очевидным, что этим надеждам не суждено было сбыться. Несмотря на значительное пополнение противоврангелевского фронта людьми и техникой, несмотря на создание 21 сентября Южного фронта в составе 6-ой, 13-ой и 2-ой Конной армии и замене почти всего высшего военного руководства (командующим фронта был назначен М.В. Фрунзе), – несмотря на все это Красной Армии так и не удалось остановить врангелевского наступления на север Украины. 19 сентября белые заняли Александровск (ныне Запорожье), 21 сентября они овладели узловой станцией Синельниково, открывающей путь на Харьков, через несколько дней красные оставили узловую станцию Волноваха, являющуюся воротами для выхода на Кубань и в Донбасс, а 28 сентября 1-ая Донская дивизия Врангеля с боем заняла Мариуполь (ныне Жданов).⁵⁴ После этого прорыва белых, 1-ая армия оказалась зажатой в мощные клещи, которые угрожали сомкнуться с востока и запада. Боясь оказаться полностью окруженной, а, с другой стороны, ставя перед собой задачу не допустить прорыва противника на Дон и в особенности на Кубань, где в это время действовал белогвардейский кавалеристский десант, 1-ая армия вынуждена была отойти на восток и занять оборону по линии Юзовка (Донецк) – северо-восточный берег Азовского моря. Таким образом, в течение

⁵⁴ П.Н. Врангель, Белое дело. Т.6. Берлин 1932, стр. 189.

двух с небольшим месяцев Врангелю удалось, несмотря на отчаянное противодействие красных, полностью дезорганизовать красноармейские соединения; отбросить их на север и восток и захватить громадный плацдарм, включающий в себя такие важные стратегические пункты, как Мелитополь, Пологи, Большой Токмак, Александровск, Синельниково, Бердянск, Орехов, Гуляй Поле, Мариуполь и Волноваха. Белогвардейские части также стояли у стен Екатеринослава (ныне Днепрпетровск). Докладывая об обстановке на Южном фронте и о планах красного командования, М.В. Фрунзе в своей телеграмме Ленину от 1 октября 1920 года сообщал следующее

Обстановка на фронте представляется в следующем виде: на нашем правом фланге от Александровска до Херсона противник пассивен, но занят подготовкой к развитию операции. На всем остальном фронте он продолжает рядом сильных ударов громить 13-ую армию. Части армии надломлены предшествующими неудачами и, несмотря на значительное подкрепление, ударов врага не выдерживают. Угроза Донбассею, создавшаяся с прорывом за линию Волноваха-Мариуполь его значительных сил, временно была отпарирована ударом за Волноваху нашей группы, в основу которой легла задержанная в Донбассе 9-ая дивизия. В настоящее время противник пытается разбить ее и тем окончательно развязать себе руки на всем левобережном участке. В случае удачи этого, он, разгромив наш ближайший тыл, несомненно попытается нанести удар и нашей правобережной группе, переправившись через Днепр, где-нибудь в районе Александровска. Наша задача – во что бы то ни стало продержаться на левобережном участке и прикрыть Донбасс, не вводя в бой пока *неготовой* правобережной группы... Самым скверным считаю запоздание конницы Буденного на что обращаю постоянно внимание Главкома, и на возможность наступления распутицы к моменту предполагаемой общей операции... В конечном успехе, несмотря ни на что, не сомневаюсь.⁵⁵

Из этой телеграммы видно, что в связи с создавшейся катострофической обстановкой на левом берегу Днепра и в связи с группировкой сил противника в районе Херсона, Фрунзе главную свою задачу усматривал в том, чтобы приостановить наступление Врангеля на левобережной Украине, не дать ему перебросить освободившиеся силы на правый берег Днепра и продержаться до тех пор, пока будет готова правобережная группа и в борьбу не включится конница Буденного, находив-

⁵⁵ Там же, стр. 403. Курсив В.Л.

шаяся на Польском фронте. Однако здесь сразу же возникает вполне резонный вопрос, мог ли Фрунзе в действительности «продержаться» до тех пор, пока не подойдет конница Буденного, если в той же самой телеграмме он утверждал, что части 13-ой армии «надломлены предшествующими неудачами и, несмотря на значительное подкрепление, ударов врага не выдерживают»? Стоило Фрунзе только поставить этот вопрос, как ему сразу же стало бы ясным, что в случае продолжения врангелевского наступления на левом берегу Днепра, он не смог бы продержаться до этого вожделенного момента без значительной поддержки со стороны. Таким образом, уверенность Фрунзе в окончательной победе не была основана на трезвом учете фактов и по существу представляла самообман. И действительно, не успел Фрунзе отправить телеграмму, как стало очевидным, что Врангель не намерен свертывать наступление, а даже совсем наоборот – именно в начале октября оно приобрело новую силу и более широкий размах. И именно в этой критической обстановке, когда под угрозу была поставлена не только вся планируемая противоврангелевская операция, но возможно и само существование советской власти, советское правительство *вынуждено было* обратиться за помощью к Нестору Махно. Расчет здесь был крайне простой: 12-ти тысячная армия Махно, состоящая в основном из конницы, должна была коренным образом изменить сложившийся баланс сил в пользу советской власти и тем самым предопределить неминуемый разгром Врангеля в самое ближайшее время. Скажу прямо: это предложение, сделанное человеку, которого советская власть в лице Дзержинского и Яковлева совсем недавно называла «изменником революции», «агентом польской шляхты», а заодно и Врангеля, было весьма унижительным для советского правительства. Вполне понятно поэтому, что советские официальные историки всячески стараются скрыть тот факт, что именно советское правительство просило Махно о союзе и изображают дело таким образом, будто не СНК Украины и командование Южного фронта пошло на уступки Махно, а как раз Махно полностью капитулировал перед ними и подписал соглашение на тех условиях, какие были продиктованы советской властью. Вот, например, что рассказывает нам один из официальных историков махновского движения, Н.С. Семанов о том, как и на каких условиях было подписано соглашение,

которое, якобы, было униженно предложено Нестором Махно:

20 сентября в штаб Махно прибыл уполномоченный Реввоенсовета Южного фронта В. Иванов для предварительных переговоров о заключении соглашения. В махновском штабе не было единого мнения по этому вопросу. Против союза с советской властью выступали такие видные атаманы, как С. Каретников, Д. Попов и некоторые другие [...] Однако сторонники врангелевской ориентации в махновской верхушке оказались в меньшинстве, и штаб, отражая враждебные настроения украинского крестьянства к наступлению белых, *должен был* [!] пойти на союз с Красной армией. В октябре в Харьков выехала делегация махновцев, которую возглавляли В. Куриленко (сторонник войны с Врангелем) и Д. Попов. Они от имени махновской «революционно-повстанческой армии» подписали соглашение с правительством Советской Украины. Политические статьи этого соглашения (с советской стороны его подписал Я. Яковлев) предусматривали амнистию всем анархистам и махновцам, право свободной пропаганды ими своих взглядов (впрочем, «без всякого призыва к насильственному ниспровержению советского правительства»), а также право участия махновцев и анархистов в Советах.⁵⁶

Видите, как просто получается у Семанова: махновцы *должны были пойти* на союз с Красной Армией и подписать его на таких условиях, которые, в сущности, ничего им не давали. Соглашение с Махно, согласно официальной версии было, таким образом, политическим поражением анархистов и торжеством большевистской политической линии. Эта версия Семанова заключения военно-политического соглашения с Махно является типичной для всей советской историографии, и однако, как это будет видно из дальнейшего, она не соответствует действительности ни с хронологической точки зрения, ни с содержательной. Стараясь обосновать эту версию, которая в сущности является пропагандистской легендой, советские официальные историки, как всегда в подобных случаях, вовсе не утруждают себя тем, чтобы тщательным образом исследовать существующие источники. Они в своей работе лишь совершенно некритично повторяют то, что было сказано по вопросу о заключении военно-политического соглашения с Махно в самом начале 20-х гг. Я. Яковлевым и И. Тепером

⁵⁶ С.Н. Семанов, *Махновщина и ее крах. Вопросы истории*, Москва, 1966, № 9, стр. 56. Курсив В.Л.

(Гордеевым).⁵⁷ Считается, видимо, что этого вполне достаточно, потому что Яковлев участвовал в подписании самого соглашения, а Тепер одно время являлся членом махновского штаба. При этом не учитывается одно чрезвычайно важное обстоятельство; а именно: Тепер и Яковлев являлись теми лицами, которые в момент написания своих работ более всего были заинтересованы в том, чтобы представить Батюка Махно таким кающимся грешником; Яковлев был заинтересован в этом как лицо, отвечавшее за партийную пропаганду, а Тепер, как человек, переметнувшийся к красным и по рукам и ногам связанный своей зависимостью от ВЧК.

Впрочем, мы допустили бы большую ошибку, если бы предположили, исходя из указанного выше, что именно Яковлев, Тепер и им подобные являлись, так сказать, родоначальниками официальной легенды истории IV военно-политического соглашения советской власти с Махно. Пальма первенства этой инициативы несомненно принадлежала ЦК РКП(б), а лицом, которое впервые ввело эту легенду в оборот был никто иной, как М.В. Фрунзе. В своей телеграмме командармам 6-ой, 13-ой и 2-ой конной и командующему войсками внутренней службы Южного фронта от 4 октября 1920 года он следующим образом сформулировал эту легенду.

30 сентября сего года Реввоенсовет Повстанческой армии обратился к Реввоенсовету Южного фронта с просьбой о прекращении против армии военных действий на почве признания Советской власти, подчинения фронтовому командованию и ненарушения внутренней организации армии. Соглашение на указанных условиях было достигнуто, и 2 октября мною был отдан приказ прекратить военные действия против Повстанческой армии и ее отдельных отрядов. На днях армия выступит на фронт для борьбы с войсками Врангеля, согласно данным мною указаниям.⁵⁸

Сравнивая эту легенду Фрунзе с точкой зрения современных официальных историков, нельзя не заметить, что они во многом совпадают между собой. Согласно Фрунзе и официальной историографии именно Махно обратился к командованию

⁵⁷ См. Я.А. Яковлев, *Русский анархизм в великой русской революции*, Петроград 1921 и И. Тепер (Гордеев), *Махно. От «единого анархизма» к стопам румынского короля*, Киев 1924.

⁵⁸ См. М.В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Москва 1941, стр. 356.

Красной Армии с просьбой о прекращении военных действий против повстанцев. Но здесь существует и довольно важное различие. По Фрунзе получается так, что Махно вообще не выдвигал никаких условий со своей стороны и подчинялся безоговорочно командованию Красной Армии. Если же исходить из того, что говорят на этот счет последующие советские историки, то кое какие уступки, хотя и незначительные, советское руководство все же сделало для Махно. Далее, обращает на себя внимание тот факт, что, согласно телеграмме Фрунзе, Реввоенсовет Повстанческой Армии обратился к советской власти со своим предложением 30 сентября, и уже ко второму октября соглашение было достигнуто. У советских же историков, писавших после того, как Фрунзе создал свою легенду, в частности у Семанова, получается так, что процесс выработки соглашения растянулся почти на целый месяц: согласно его концепции уполномоченный Реввоенсовета В. Иванов появился в махновском штабе 20 сентября, а само соглашение было достигнуто лишь 14 октября. Эти расхождения между утверждениями Фрунзе и последующих историков по части заключения IV военно-политического соглашения советской власти с Махно не могут не вызывать настороженности и самого пристального к себе внимания, потому что совершенно ясно, что они противоречат друг другу и тем самым делают совершенно неясной всю историю этого соглашения. Для того, чтобы воссоздать подлинную историю этого соглашения нужно, следовательно, прежде всего подвергнуть самому тщательному критическому анализу все то, что было написано по этому вопросу в советской исторической литературе.

Начнем прежде всего с дат. Фрунзе датирует момент, так называемого, «обращения» Махно к Реввоенсовету Южного фронта с просьбой о прекращении военных действий против Революционно-повстанческой Армии 30 сентября 1920 г. Я. Яковлев, который, как указывалось выше, непосредственно принимал участие в подписании соглашения, относит этот момент к началу октября 1920 года.⁵⁹ Это совпадение точек зрения Яковлева и Фрунзе может показаться вполне достаточным, чтобы считать, что они находятся где-то недалеко от истины.

⁵⁹ См. Я. А. Яковлев, *Махновщина и анархизм. Красная Новь*, Москва, 1921, № 2, стр. 252.

Однако в нашем распоряжении имеются документы, которые свидетельствуют, что это далеко не так. Среди этих документов для наших целей первостепенное значение имеет решение Политбюро ЦК КП(б)У от 29 сентября 1920 года. Состоявшееся в этот день заседание Политбюро было как раз посвящено утверждению военно-политического соглашения с Махно, и в нем было записано следующее:

- д) Соглашение не оглашать, ограничиваясь сообщением после перехода Махно в тыл Врангеля;
- е) Против освобождения анархистов не возражать, что поручить Т. Манцеву.⁶⁰

Таким образом, если бы даже Махно действительно «раскаялся» и обратился к Реввоенсовету Южного фронта со своими услугами в деле борьбы с Врангелем, то это должно было произойти не в октябре и даже не 30 сентября, а значительно ранее, потому что, как следует из решения ЦК КП(б)У соглашение уже было достигнуто к 29 сентября и в принципе было одобрено высшим партийным органом Украины. Когда же, в таком случае, могли начаться эти переговоры? Здесь уместным будет сказать, что Махно дважды, в июле и в августе, обращался к правительственным органам Москвы и Харькова с предложением организовать совместные действия против Врангеля, разумеется без всякого отказа от своих анархических принципов. Биограф Махно, П. Аршинов, в своей книге в этой связи писал, что ответов на телеграммы Махно не было. Как мы теперь знаем, их и не могло быть, потому что установкой партии в то время была полная ликвидация «махновского анархо-бандитизма». «Но в сентябре месяце, – пишет Аршинов, – когда эвакуировался город Екатеринослав и когда Врангель занял Бердянск, Александровск, Гуляй-Поле, Синельниково, в г. Старобельск, где стояли махновцы, приехала уполномоченная делегация от ЦК партии во главе с коммунистом Ивановым, для переговоров о совместных действиях против Врангеля».⁶¹ Из мемуаров белоэмигранта З.Ю. Арбатова, опубликованных в 12 томе «Архива русской революции»,⁶² мы можем довольно

⁶⁰ См. На защите революции. Киев 1971, стр. 188.

⁶¹ П.А. Аршинов, История махновского движения, стр. 171.

⁶² З.Ю. Арбатов, Екатеринослав 1917-1922. *Архив русской революции*, Берлин, 1923, № 12, стр. 83-148.

точно определить, когда именно советские войска и учреждения покинули Екатеринослав. Арбатов датирует это событие 25 сентября 1920 года.⁶³ Таким образом, если исходить из данных Аршинова и Арбатова, то получается так, что предварительное соглашение между Махно и коммунистической властью было заключено не ранее 25 сентября и, согласно решению ЦК КП(б)У не позднее 28 сентября. И действительно, это предположение полностью подтверждается, так называемым, «Военным дневником», который в свое время вел бывший начальник оперативного отдела махновского штаба В.Ф. Белаш. Согласно этому документу переговоры начались либо 26, либо 27 сентября 1920 года, потому что в записи от 27 сентября говорится: «Вечером начались переговоры с советским правительством Украины, которое изъявило желание заключить мир.»⁶⁴ Далее, как это следует из работы П. Аршинова и как это подтверждается «Дневником» В. Белаша инициатива союза в сентябре месяце всецело принадлежала советскому правительству, которое пошло на это ввиду катастрофического положения на Южном фронте. Такая интерпретация истории заключения соглашения настолько резко противоречит официальной исторической науке, что вполне возможно, что ее попытаются объяснить тем, что Аршинов в узкопартийных целях фальсифицировал исторические события. Но это совсем не так. Если исходить из источников, находящихся в нашем распоряжении, то концепция Аршинова в целом правильно отражает действительность. Однако, прежде чем перейти к подробному рассмотрению этого вопроса, сделаем небольшое историческое отступление, которое позволит нам в достаточной мере оценить ту высокую объективность тех материалов, которые мы в дальнейшем привлечем для нашего анализа.

В конце мая - начале июня 1928 года в Одесской местной печати и в «Вечерней Москве»⁶⁵ начали публиковаться воспоминания бывшего секретаря Бела Куна, некоего Леглера, в которых он подробно останавливался на истории заключения IV военно-политического соглашения с Махно. По своему со-

⁶³ Там же, стр. 119.

⁶⁴ Архив института истории партии при ЦК КПУ, Киев, фонд 5, опись 1, ед.хр. 332, лист 87.

⁶⁵ См. например, от 2 июня 1928 г.

держанию воспоминания эти являлись фальшивкой чистой воды и повидимому были направлены главным образом на то, чтобы возвеличить роль Бела Куна в деле организации разгрома Врангеля. Неизвестно, сам ли Леглер пошел на то, чтобы фальсифицировать историю, или он был инспирирован на это кем-либо другим свыше, но только Леглер утверждал в своих воспоминаниях, что именно Белу Куну принадлежала заслуга «обуздания Махно» и проведения с ним успешных переговоров. По Леглеру получалось так, что, находясь в 20-х числах октября в селе Ульяновке Павлоградского уезда Екатеринославской губернии, Махно был плотно окружен красноармейскими частями и, видя, что сопротивление бесполезно, обратился к Белу Куну с мольбой о прекращении военных действий против Революционно-Повстанческой Армии и предложил свои услуги в деле борьбы с Врангелем. Абсурдность этих утверждений настолько очевидна в свете всего вышесказанного, что на них не стоило бы останавливаться, если бы Леглер не попытался к тому же нарисовать анекдотическую картину того, как браво вел себя Бела Кун с Батькой Махно, когда приехал в Ульяновку для переговоров и когда Махно, не видя никакого для себя выхода, угодливо соглашался во всем с Бела Куном и якобы вел себя как побитый пес. Согласно Леглеру, Бела Кун был настолько проникнут презрением к анархической вольнице и жалкому положению Батьки, что, не стесняясь его присутствия, называл повстанцев не иначе, как «бандитами» и «сволочью». Вот эта-то беспардонная ложь Леглера и представляет «исторический интерес», потому что она настолько возмутила находившегося в эмиграции Махно, что он, вопреки своим правилам вынужден был опубликовать в парижском анархическом журнале «Дело труда» так называемое «Открытое письмо партии ВКП и ее ЦК», в котором, обратившись к ЦК ВКП(б) с гневным требованием запретить публикацию мемуаров Леглера, напомнил в то же время высшему партийному руководству Советов, как в действительности обстояло дело с заключением военно-политического соглашения. Здесь важно отметить два момента: во-первых, то, что рассказ Махно, в отличие от всех тогдашних и последующих версий официальных историков, находится в полном соответствии со всеми достоверными фактами и, во-вторых, то, что после публикации этого «Открытого письма» воспоминания Леглера больше не издавались. Стало

быть, ЦК ВКП(б) в какой-то мере прислушался к трагическому воплю Махно, которым он заканчивал свое письмо:

Я же лично, – писал он, – вопреки всякого рода проходимцам, вроде бывшего денкинского-врангельского, а теперь большевистского генерала Слащева и французского коммуниста-большевика Барбюса, клеветующих на меня, обзывая меня агентом Антанты, или хорошо присосавшимся к большевистской власти писателям: Вересаева, А. Толстого и Б. Пильняка, – позорно выводящим меня в своих побасенках, – написанных под тон и в унисон диктаторов, – антисемитом-погромщиком, вопреки всей наглости этих и им подобных проходимцев, которой все мои враги пользуются в своей клевете на меня и на связанное с моим именем движение украинских труженников, – я считаю себя вправе перед прошлым, настоящим и будущим трудящихся СССР и всего мира, чтобы сказать Всесоюзной большевистской партии и ее ЦК: почему партия поощряет в своих рядах авантюристов измышлять всякую, какая только взбретет им в голову, ложь против идейных противников партии, в данном случае против меня?⁶⁶

Прекратив в дальнейшем публикацию «Воспоминаний» Леглера, советское правительство руководствовалось, повидимому, отнюдь не чувством сострадания к Махно, а скорее опасением того, чтобы эта скандальная история не получила дальнейшей огласки в мировой революционной печати.

Публикуя свое открытое письмо, каждая строка которого дышит негодованием и задавая только что приведенный патетический вопрос, Махно, конечно, показал, что он является очень импульсивным и наивным человеком, однако обстоятельства, связанные с его публикацией, свидетельствуют о том, что Махно был вполне искренен и что у нас нет никаких оснований сомневаться в правдивости той части «Письма», где он говорит об истории военно-политического соглашения, тем более, что его рассказ не только не противоречит, но, напротив, легко вписывается в общую картину тогдашней военно-политической обстановки. И если мы теперь обобщим все то, что рассказал нам Махно об истории этого соглашения и дополним это известными нам документами и фактами, то тогда подписание этого соглашения предстанет нам в следующем виде. Где-то между 25 и 27 сентября в ставке Махно, расположившейся в местечке Беловодск, Старобельского уезда раздался телефон-

⁶⁶ *Дело труда*, Париж, 1928, № 37-38, стр. 15.

ный звонок из тогдашней столицы Украины Харькова. На проводе оказался никто иной, как сам председатель СНК республики Х.Г. Раковский, который сообщил дежурному по штабу, что он хотел бы срочно поговорить с Махно по телефону по поводу сделанного последним еще летом предложения об организации совместных действий против Врангеля. (Как видим, телеграмма Махно, о которой говорит Аршинов, действительно была отправлена советскому правительству, но тогда, летом 1920 года, ей не придали никакого значения). Махно в это время в штабе не было. Он находился на своей квартире, так как во время прорыва в тыл Врангеля, для того, чтобы развернуть здесь военные действия против белых, на его отряд напала красная конница и пуля раздробила шиколотку его ноги, так что он теперь не мог двигаться. Конечно, при желании его могли бы принести к телефону на носилках, однако после того, как советское правительство назвало его «агентом польской шляхты и Врангеля», а теперь стало заигрывать с ним, он, понимая в чем дело, счел ниже своего достоинства лично разговаривать с Раковским и уполномочил для этого трех своих ближайших помощников: Семена Каретникова (заместителя командующего РПА), Виктора Белаша (начальника штаба) и Виктора Попова, возглавлявшего в то время политическую работу в армии. Они отправились в штаб и вежливо объяснили по телефону Раковскому, что Нестор Иванович не может к сожалению с ним разговаривать, потому что он болен. Повидимому, Раковский был несколько шокирован тем, что Махно отказался разговаривать с ним лично и, чтобы не ронять своего бюрократического достоинства, порекомендовал проведение предварительных переговоров с махновским штабом председателю Всеукраинского ЧК В.Н. Манцеву. Этот последний договорился с представителями Махно, что предварительные переговоры начнутся по телефону сразу же после того, как Махно выработает и обсудит со своим активом проект соглашения и условия, при которых это соглашение может быть подписано. Махно не заставил себя долго ждать. Он немедленно собрал наиболее представительный актив своей армии, с которым обсудил и выработал как сам проект соглашения, так и условия его подписания. Сохранилась фотография, запечатлевшая момент обсуждения проекта соглашения на собрании актива махновской армии. Проведенное под открытым небом, оно внешне напомина-

ло знаменитую картину И. Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».

К утру 27 сентября проект соглашения и условия его подписания были выработаны повстанцами. Вечером того же дня начались предварительные переговоры по телефону. Мы, к сожалению, не располагаем первоначальным проектом этого переговора, а потому не знаем всего объема тех требований и условий, которые повстанцы предъявили советскому правительству. Из «Боевого дневника» Виктора Белаша известно только, что в качестве главных пунктов проекта повстанцы выдвинули требования создания отдельного участка фронта, снабжения их боеприпасами и созыва в ближайшее время трудового съезда Советов Украины. Со своей стороны, советское правительство, соглашаясь на обеспечение РПА боеприпасами и создание условий участия Махновцев в выборах на Всеукраинский съезд советов, категорически возражало против занятия ими отдельного участка фронта, опасаясь разложения соседних большевистских частей и перехода их на сторону махновцев по мере подхода революционных частей к Крыму.⁶⁷ Чтобы быть точным в описании этого важнейшего момента истории IV соглашения Махно с коммунистической властью, ограничусь лишь перечислением тех пунктов соглашения, которые были приняты советским правительством и затем подписаны, а также тех условий, которые хотя и не вошли в текст соглашения, но без выполнения которых советской властью это соглашение не могло быть действительным. Думаю, что даже этого будет достаточно, чтобы показать, что не советское правительство продиктовало свое требование Махно, как в этом нас стараются убедить советские официальные историки, а что именно Махно заставил советское правительство принять такие пункты соглашения и условия его выполнения, которые в совокупности своей означали крупнейшее политическое поражение коммунистической власти Украины в ее борьбе против анархо-коммунистов. Каковы же были те пункты соглашения, которые подписало советское правительство и те условия, на которых, с другой стороны, повстанцы были согласны участвовать в союзе с коммунистической властью? Если судить об этом не только по тексту соглашения, но и по всем имеющимся в

⁶⁷ См. цит. произведение (прим. 5).

распоряжении историка источникам, а также по ходу дальнейшего развития событий, то пункты соглашения и условия их принятия, разработанные махновским активом, сводились к следующему.

1) С момента начала переговоров Красная Армия немедленно прекращает военные действия против Революционно-Повстанческой Армии на всей линии соприкосновения ее с повстанческими частями;

2) Соглашение может приобрести силу юридического документа только в том случае, если: во-первых, оно будет опубликовано в центральных украинских газетах и, во-вторых, советское правительство публично опровергнет заявление Дзержинского и Яковлева о том, что они обладают неопровержимыми документами, свидетельствующими якобы о том, что Махно является агентом польской шляхты и Врангеля.

Это – по части условий, при которых повстанцы считали возможным принять соглашение к действию. Что же касается самих статей соглашения, то повстанцы в них выдвигали следующие требования:

1) Революционно-Повстанческая Армия Украины (махновцев) входит в состав вооруженных сил республики, как партизанская..., сохраняет внутри себя установленный ранее распорядок, не проводя основ и начал регулярных частей Красной Армии;

2) Революционно-Повстанческая Армия находится в подчинении у командования Красной Армии лишь в оперативном отношении;

3) С момента подписания соглашения советское правительство немедленно освобождает из-под ареста всех анархистов, находящихся в тюрьмах Украины и РСФСР и предоставляет им свободу организации, пропаганды и агитации;

4) Советское правительство обязуется создать необходимые условия для подлинно свободных выборов на V Всеукраинский съезд Советов, который должен состояться не позднее 5 декабря 1920 года.

5) Ввиду того, что одной из главнейших задач махновского движения является борьба за развитие самоуправления трудящихся, Революционно-Повстанческая Армия выдвигает требование, чтобы трудящимся повстанческого района была гарантирована свобода в деле организации вольных органов эконо-

мического и политического самоуправления, их автономной и федеративной (договорной) связи с государственными органами Советских республик.⁶⁸

Если мы теперь внимательно проанализируем условия и статьи соглашения, предъявленные Махно Красной Армии и СНК Украины, а затем сопоставим их с решениями VIII партийной Конференции, а также с соображениями, тех ее делегатов, которые выступали за ликвидацию махновщины как предварительного условия победы над внешним и внутренним врагом, то у нас не останется никакого сомнения в том, что, предъявляя условия и статьи соглашения, Махно фактически стремился поставить СНК Украины на колени и заставить признать его свои ошибки.

Теперь посмотрим, в какой мере Махно удалось достигнуть этого? Как и было условлено, предварительные переговоры о военно-политическом соглашении состоялись по телефону 28 сентября 1920 года. Эти переговоры начались в 4 часа дня и завершились тем, что повстанцы изложили свои требования и договорились о том, что в случае их принятия высшими инстанциями Харькова и Реввоенсовета Южного фронта, в ставку Революционно-Повстанческой Армии будет направлена специальная делегация из Харькова, равно как в Харьков отправится делегация повстанцев. Работая на местах, эти делегации в дальнейшем договорятся о деталях предстоящего соглашения.⁶⁹ Из решения ЦК КП(б)У от 29 сентября видно, что после предварительных телефонных переговоров советская сторона в *принципе* приняла по существу все статьи махновского проекта, отказавшись, однако, от публикации текста соглашения и, повидимому, от того, чтобы приносить Махно публичные извинения за обвинения, выдвинутые против него Яковлевым и Дзержинским. Об этом, впрочем, не было сделано никаких

⁶⁸ Данные об условиях подписания соглашения мы взяли из 9-ой главы книги Аршинова по истории махновского движения; что касается текста самого соглашения, то он полностью опубликован в приложении № 1 книги V. Peters-a, Nestor Makhno, Winnipeg 1971, а также в работе И. Тепера, Махно, Киев 1924, стр. 117-119. Отметим также, что в целях логической стройности изложения материала, мы даем несколько другую нумерацию пунктов соглашения, а некоторые из них опускаем вовсе.

⁶⁹ См. Н. Махно, Открытое письмо партии ВКП и ее ЦК. *Дело труда*, Париж, 1928, № 37-38, стр. 11.

официальных заявлений и [это] держалось в большом секрете. В ходе переговоров советское правительство на первом же совместном заседании смешанной комиссии отказалось подписать тот пункт соглашения, который говорил о «вольных советах» и их федеративной (договорной) связи с государственными органами советских республик. Аргументация представителей украинской делегации сводилась к тому, что поскольку этот пункт проекта соглашения затрагивает, так сказать, конституционную основу РСФСР, его необходимо было согласовать с Москвой и поэтому следовало-де обсуждать самостоятельно, вне зависимости от других статей соглашения. По свидетельству Аршинова, эти соображения вполне удовлетворили махновцев, и они согласились обсуждать указанный пункт самостоятельно.⁷⁰ Согласились махновцы также и с требованиями советской делегации, чтобы в текст соглашения были включены два пункта, которые по мнению правительства, должны были гарантировать лояльное отношение Махно к Красной Армии и советской власти. Один из этих пунктов выдвигал требование, чтобы приходя в соприкосновение с частями Красной Армии, махновцы не переманивали в свои ряды красноармейцев, а второй пункт —, чтобы пропаганда анархизма не включала в себя призыва к насильственному ниспровержению советского правительства. Это было, в сущности, все, что советское правительство в своих интересах смогло провести в текст соглашения.

Представителей махновцев, конечно, эти требования несколько не обременяли, потому что, во-первых, у них никогда не было недостатка в резервах и, следовательно, не было никакой необходимости переманивать красноармейцев, а, во-вторых, подписывая соглашение, они и не помышляли призывать к насильственному ниспровержению советской власти или к вооруженной борьбе с ней: им незачем было это делать, так как они были уверены (и не без основания), что на предстоящих выборах в местные советы и на Всеукраинский съезд советов они получат абсолютное большинство! Думается поэтому, что, выдвигая перед махновцами оба эти требования, украинская делегация делала это исключительно для того, чтобы создать *видимость*, что в ходе переговоров не только повстанцы пре-

⁷⁰ См. П.А. Аршинов, указ. соч., стр. 174.

дъявляют правительству свои требования, но также и она ставит перед ними свои условия, а, стало быть, говорит с ними на равных.

В действительности же это было далеко не так. В глубине души своей украинская делегация это прекрасно понимала и потому всячески старалась скрыть текст этого соглашения от общественного мнения Украины и России, равно как она не была также намерена приносить публичные извинения за обвинения, выдвинутые против Махно Дзержинским и Яковлевым. В этой связи возникает вопрос: почему украинская делегация, зная наперед, что она не будет публиковать соглашение, как это предусматривалось постановлением ЦК КП(б)У, тем не менее подписала условия договора, которые предусматривали необходимость этой публикации?

Ответ напрашивается сам собою: ни СНК Украины, ни Реввоенсовет Южного фронта, подписывая соглашение вовсе не были намерены выполнять его. Они рассматривали эти переговоры лишь как дипломатический прием, рассчитанный на то, чтобы заставить Махно включиться в антиврангелевскую борьбу. Повидимому, Махно разгадал эти намерения правительственной делегации и потому сразу же настойчиво потребовал опубликования договора и опровержения в печати заявления Дзержинского и Яковлева. Его особенно возмущало то, что сразу после достижения соглашения органы пропаганды СНК Украины стали распространять слухи что заключение соглашения явилось следствием того, что Махно пришел с повинной к правительству и признал свои ошибки. Цель этих слухов была очевидна: с одной стороны, убедить жителей Украины в том, что, подписав соглашение, советское правительство и красное командование вроде бы и не поступилось своими политическими принципами, а с другой – создать впечатление идейного разоружения Махно, что несомненно компрометировало Нестора Ивановича в глазах его собственных сторонников: с этим, естественно, он не мог примириться. Конечно, он мог бы сам опубликовать это соглашение, чтобы рассеять подозрения среди своих сторонников, однако он не хотел этого делать именно потому, что по соглашению это должно было сделать правительство. Поэтому он вынужден был 13 октября 1920 года опубликовать в походной газете «Путь к свободе» лишь опровержение слухов о его, якобы, раскаянии. В этой газете он писал:

«Вокруг перемирия создались какие-то недоразумения, неясности, неточности; говорят о том, что, мол, Махно раскаялся в своих прежних действиях, признал советскую власть и т.д.». Далее Махно решительно опровергал эти «неясности» и писал: «Мы всегда были и будем идейными непримиримыми врагами партии коммунистов-большевиков», а потому нельзя путать военный контакт с «признанием советской власти, чего не могло быть и не будет».⁷¹

Впоследствии это заявление Махно послужило для наших историков материалом для обвинения его в том, что он, якобы, уже в самом начале соглашения был настроен бороться против советской власти военными средствами, но это, конечно, – чистая передержка, потому что Махно говорит исключительно об идейной борьбе и никого не призывает к оружию. Для него важно было лишь оповестить своих сторонников о действительном положении дел с заключением соглашения. Это было важно сделать еще и потому, что советское правительство явно тянуло время с публикацией соглашения и опровержением заявления Дзержинского и Яковлева, хотя в то же время в лице Фрунзе настойчиво требовало от Махно, чтобы он немедленно покинул Старобельский уезд и двинул свою армию против Врангеля. На эти требования Фрунзе Махно неизменно отвечал тем, что он не двинет свою армию с места до тех пор, пока советское правительство не выполнит указанные выше условия соглашения. Советское правительство со своей стороны отмалчивалось. Соглашение, таким образом, оказалось под угрозой расторжения еще до того, как оно начало действовать.

Шли полки на Перекоп...

Напомню, что в телеграмме к Ленину от 1 октября Фрунзе высказал предположение о том, что Врангель, сконцентрировав в районе Волновахи 1-ую и 2-ую Донские дивизии, попытается разбить неходящиеся в Донбассе красноармейские части и, развязав себе таким образом руки, затем поведет общее наступление на правый берег Днепра. Но Врангель поступил иначе, более умно, чем это представлялось Фрунзе. Третьего

⁷¹ Цит. по книге: Д. Лебедь, *Итоги и уроки трех лет анархо-махновщины*, Харьков 1921, стр. 89.

октября он совершенно неожиданно для Реввоенсовета начал переброску 1-ой и 2-ой Донских дивизий в район Пологи-Орехово.⁷² Пятого октября обе эти дивизии уже прибыли на место своего назначения: 1-ая – в Гуляй – Поле, а 2-ая – в Пологи. Выяснилось также, что белогвардейское командование сосредоточило в районе Александровска свои три отборнейшие дивизии: Корниловскую, Марковскую и Дроздовскую, причем первые две в самом Александровске, а третью-частью в Новогупаловке, что севернее Александровска, а частью в Орехове, расположенном южнее того же Александровска.⁷³ Кроме того, Врангель начал усиленно сосредотачивать части Второго армейского корпуса в районе Каховского плацдарма красных и концентрировать здесь танки, артиллерию, самолеты. По всему было видно, что белогвардейское командование готовилось к проведению своего решающего удара, так называемой Заднепровской операции, целью которой была ликвидация Каховского плацдарма и 2-ой конной армии одновременно с тыла красных (частями Первого корпуса) и с фронта (частями Второго армкорпуса). Эта операции началась в ночь на 8 октября силами Корниловской и Марковской дивизий, начавших наступление на правый берег Днепра с острова Хортица. Сломив сопротивление 8-ой советской дивизии, защищавшей этот участок фронта, белая армия к девяти часам утра уже полностью переправилась на правый берег, а на следующий день продвинулась вглубь правобережья на 25 километров. Почти одновременно с этим, а именно в ночь на 9 октября, части Второго армейского корпуса Врангеля начали форсирование Днепра южнее Александровска в направлении города Никополя и после ожесточенных боев овладели этим городом. 11 октября части Первого и Второго армейских корпусов, двигаясь от Александровска и Никополя, соединились между собой, создав тем самым мощную группировку для наступления на Апостолово, а затем и на тыл Каховского плацдарма. На левом берегу Днепра у Врангеля также находились значительные резервные силы – две донские дивизии, которые он в любой момент мог перебросить на правый берег, создав здесь огромный перевес сил в свою пользу. Положение на Южном фронте оказалось

⁷² См. П.Врангель, Белое дело, т. 6, стр. 189.

⁷³ Там же, стр. 190.

настолько критическим, что уже 12 октября Главком С.С. Каменев в докладе правительству, посвященном Южному фронту, предлагал: не дожидаясь итогов переговоров с Польшей, которые советское правительство в это время проводило, снять с польского фронта несколько красноармейских соединений, перебросить их под Апостолово, а «большую часть имеющихся и изготавливаемых в стране военных ресурсов направлять для борьбы на юге».⁷⁴ То что Главком предлагал столь серьезные меры для укрепления Южного фронта, это было, конечно, хорошо, но беда заключалась в том, что предложения эти были сделаны слишком поздно: решающее сражение с Врангелем приближалось с такой стремительностью, что вряд ли можно было надеяться на своевременный подход запланированных Каменевым подкреплений. Именно в этой ситуации Реввоенсовет Республики и украинское правительство решили оповестить весь мир о том, что между советской властью и Махно достигнуто военно-политическое соглашение на предмет совместных действий против Врангеля. 13 октября в харьковской газете «Коммунист» была помещена статья Троцкого «Что означает переход Махно на сторону советской власти?», в которой автор извещал о заключении военно-политического соглашения и одновременно с этим давал свою концепцию природы крестьянского движения на Украине и объяснение того, почему Махно заключил соглашение с советской властью. «Украинское крестьянство, – писал Троцкий, – принимало в революции участие ровно постольку, поскольку это ему позволяли кулаки или, по-украински, куркули».⁷⁵ Именно поэтому, продолжает автор, «и петлюровщина, и махновщина опирались непосредственно на кулацкие верхи деревни».⁷⁶ Но с приходом Деникина, а позже Врангеля, украинская деревня раскололась, что оказало существенное влияние и на политическое поведение Махно и его сторонников. «Поставленные перед необходимостью немедленно выбирать между кулаками, Петлюрой, польской шляхтой и Врангелем – с одной стороны, бедняками, рабочими – коммунистами и Советской властью – с другой, мах-

⁷⁴ См. Из истории гражданской войны в СССР. Т. 3. Москва 1961, стр. 407.

⁷⁵ См. Л.Д. Троцкий, Как вооружалась революция. Т. 2. Москва-Петроград 1923, стр. 210.

⁷⁶ Там же, стр. 211.

новцы в своем большинстве решили перейти на сторону Красной армии». ⁷⁷ В этой статье Троцкого обращают на себя внимание два момента. Прежде всего Троцкий уже не квалифицирует махновское движение как кулацкое и как контрреволюционное. Однако, с другой стороны, обстоятельства заключения военно-политического соглашения здесь представляются опять в таком свете, будто переход Махно на сторону Красной Армии действительно был связан с «осознанием» им своих бывших увлечений кулачеством. Хотя Троцкий несколько смягчил это обвинение, сказав, что Махно это делал «по недомыслию» от этого, конечно, суть дела не менялась: главная мысль Троцкого о мнимом раскаянии Махно в этой статье прослеживается четко и определенно.

На основании этой статьи можно также предполагать, что в момент ее написания у Троцкого не было никакого намерения опубликовать сам текст соглашения, который вскрыл бы действительную картину заключения его. Главная цель Троцкого состояла в том, чтобы произвести политический эффект, так на польское правительство, как, в особенности, на Врангеля. И надо сказать прямо, что ему это удалось: даже в самые критические моменты своей Заднепровской операции, особенно во время боев северо-западнее Никополя, и штурма Каховки и в последующих сражениях в период с 14 по 17 октября, Врангель так и не посмел снять свои резервные дивизии, расположенные в районе Гуляй-Поля – Пологи, ибо он хорошо понимал, что если сделает это, то тогда может оказаться в кольце красноармейских и повстанческих войск и дни белой армии будут сочтены. Думается также, что статья Троцкого повлияла в какой-то мере и на настроение Махно, потому что в ней председатель Реввоенсовета, хотя и в завуалированной форме, но все таки говорил о том, что Революционно-Повстанческая Армия представляет бедняцко-средняцкие слои украинской деревни, что не могло не радовать Батько.

Но конечно эта уступка махновцам не могла повлиять на них настолько, чтобы они забыли о своем требовании публикации текста соглашения и опровержения обвинения Дзержинского и Яковлева. Они продолжали настаивать на своем и не поддавались ни на какие переговоры.

⁷⁷ Там же, стр. 212.

Между тем, ситуация на противоврангелевском фронте была в высшей степени неопределенной, потому что бои под Никоподем и Каховкой еще не решали судьбы всей Заднепровской операции: Врангель в любой момент мог предпринять меры по укреплению своего правобережного участка фронта или, что было еще хуже, начать наступление на левом берегу Днепра с тем, чтобы разгромить в Новомосковском районе формирующиеся воинские соединения Красной Армии, предназначенные для нанесения решающего удара. Фрунзе был весьма обеспокоен возможностью такого развития событий и потому 17 октября, 1920 года в два часа ночи спешно издал приказ командарму Революционно-Повстанческой Армии за № 0150/С, 454 ОП, в котором он требовал, чтобы Махно немедленно выступил в поход для прикрытия Павлограда и Новомосковска. В приказе говорилось:

По имеющимся сведениям, Дроздовская дивизия противника из района Пологи, Гуляй-Поле перебрасывается к Славгороду с задачей наступать на Павлоград. 16 октября от Славгорода на Ивковку двигался пехотный отряд противника до 300 штыков, и его конница двигалась в сторону ст. Раздоры. 16 октября в районе ст. Ивковка, ст. Синельниково находились части 23-ей стрелковой дивизии. Район ст. Чаплино, Покровское, Б. Михайловка, Ново-Павловка, ст. Межевая занят частями 42-ой стрелковой дивизии.

Приказываю войскам Партизанской армии из района Барвенковка, следуя по маршруту Петровка-Башиловка-Петропавловка-Дмитриевка, не позднее 19 октября сосредоточиться в районе Васильковска, Стульяновка, Павловка. По прибытии немедленно установить связь с частями 42-ой дивизии в районе ст. Просяная, М. Михайловка, Григорьевка и с частями 23-ей дивизии в районе ст. Ивковка, Синельниково.

В случае наступления дроздовцев на Павлоград частям Партизанской армии ударить им во фланг и тыл и выйти в район Нововоскресенска на р. Соленая. Штаб армии иметь на Ст. Ульяновка, откуда установить телеграфную связь со штабом фронта. В дальнейшем связь поддерживать через соседние дивизии. О прибытии в район Ульяновка срочно донести.⁷⁸

Этот приказ Фрунзе весьма характерен. Он свидетельствует прежде всего о том что даже в столь сложной военной обстановке Советское командование пыталось уклониться от выпол-

⁷⁸ См. М.В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Москва 1941, стр. 398.

нения своих обязательств по условиям соглашения и заставить Махно выступить ранее того как они будут выполнены. Во-вторых, этот приказ показателен для характеристики того, какую роль Командюж отводил Революционно-Повстанческой Армии в борьбе с Врангелем и при каких условиях намеревался вводить ее в дело. Судя по приказу, Революционно-Повстанческая Армия постоянно должна была находиться под неослабным контролем красноармейских частей, а в ходе боев выполнять роль штрафной ударной группы Красной Армии. Все это не могло не настораживать повстанцев, потому что, выполняя роль ударной группы, они в ходе боевых операций могли полностью истощить все резервы, и тогда, при желании, красное командование могло взять их голыми руками. После печального опыта военно-политических соглашений с Красной Армией весной и осенью 1919 года никто из махновцев, по словам Аршинова «не верил в продолжительность и прочность соглашения с большевиками».⁷⁹

Тем не менее, идя навстречу пожеланиям Фрунзе, Махно выполнил его приказ частично и к 19 октября действительно привел свою армию в указанный Командюжем район и разместил свою ставку в Ульяновке. Вместе с тем он самым категорическим образом потребовал от Красной Армии выполнения условий соглашения, угрожая, что в противном случае он не сдвинется с места. Харьковское правительство странным образом молчало. Тем временем к 20 октября стало известно, что Врангель начал отходить своими главными силами на левый берег Днепра в район Александровска, Полог и Мелитополя. Становилось очевидным, что советское командование допустило большую ошибку, предположив, что после разгрома под Апостоловым Врангель попытается бросить свои части в район Новомосковска-Павлограда. Цель Врангеля, как выяснилось, была совсем другой: укрепиться в нижней Таврии и в Крыму, перезимовать здесь, а затем начать новый поход. В этих условиях нужно было во что бы то ни стало и как можно быстрее «сесть на хвост Врангелю» и не допустить ухода белогвардейских частей в Крым. Командование Южного фронта оказалось совершенно неподготовленным к такому обороту дела: на левом берегу Днепра было слишком мало красноармейских частей, что-

⁷⁹ См. П.А. Аршинов, указ. соч., стр. 19.

бы сразу же преследовать Врангеля. Но тем самым необычайно возросло значение РПА как важнейшего фактора разгрома противника. Именно это обстоятельство и заставило советское правительство сделать второй шаг в выполнении условий соглашения: 20 октября в харьковских газетах «Пролетарий» и «Коммунист» наконец-то было опубликовано официальное (за подписью Троцкого) опровержение обвинения Махно в сговоре с Врангелем. Здесь говорилось, что утверждения советской прессы о наличии в руках правительства документов, якобы «свидетельствующих о формальном союзе Махно с Врангелем», ошибочны, потому что, как выяснилось, «они были подделаны Врангелем».⁸⁰ Троцкий, правда, не говорил какие именно документы были «подделаны» Врангелем. Думается, что если бы такие документы были, они в свое время были бы опубликованы советским правительством. Вероятнее, всего, что их вообще не было и выражение о том, что «они были подделаны Врангелем» – это всего лишь дипломатическая уловка, направленная на то, чтобы сохранить хорошую мину при плохой игре. Впрочем, Махно не стал настаивать на уточнениях, потому что для него было достаточно и этого заявления правительства.

21 октября 1920 года Фрунзе издал приказ командармам 13-ой и Повстанческой за № 0191/С, 581/ОП в котором говорилось:

Ряд сведений говорит о начавшемся отходе главных сил противника в район Александровск-Пологи и дальше на Мелитопольские позиции. Перегруппировка производится под прикрытием арьергардных частей. Приказываю: путем выдвижения вперед авангардных частей и глубокими поисками проверить вышеуказанные сведения, разбить арьергарды противника, восприпятствовать производящимся им группировкам для чего:

1. Командарму 13-ой немедленно выдвинуться передовыми частями на линию Христофоровка, р. Янгур, Новоуспеновка, Приют, р. Кобыльна, ст. Розовка, Темрюк, ст. Стародубовская, р. Берда, ст. Петровская. К югу и западу от этой линии продолжать производить глубокую разведку. Частями 23-ей стрелковой дивизии и группой бронепоездов с рассветом 22 октября перейти в наступление в общем направлении на Славгород с задачей разбить арьергард противника в Славгороде, Новогупаловке.

⁸⁰ Л.Д. Троцкий, указ. соч., стр. 214.

2. Командарму Повстанческой в ночь с 21 на 22 октября выступить из района сосредоточения и, двигаясь форсированным маршем, обойти вышеуказанную группу противника с востока в общем направлении на Янцево-Софиевка, отрезать бронепоезда противника и ударом с тыла разгромить его...⁸¹

Отрезать бронепоезда Врангеля РПА могла лишь при условии овладения железнодорожной веткой Орехов-Пологи, вдоль которой, как я уже говорил, были дислоцированы 1 и 2 Донские дивизии, равно как и крупные соединения Дроздовских частей, отошедших сюда после боев под Каховкой и начала общего отступления белогвардейской армии в Крым. Таким образом, согласно только что приведенному приказу Фрунзе, главная тяжесть разгрома Александровской группировки противника возлагалась на плечи РПА. 23-ья стрелковая дивизия должна была лишь преследовать жалкие остатки дроздовских частей, отступающих из Ново-Гупаловки. Получалось так, что Махно должен был бросить свою армию в самое пекло боевых действий на правом берегу Днепра. Конечно Махно обладал достаточным сознанием, всей серьезности военного положения и мужеством, чтобы выполнить этот приказ, однако он понимал, что если не теперь, то он вообще никогда не добьется публикации соглашения. Поэтому он наотрез отказался выполнить требование Фрунзе, пока не будет опубликовано соглашение. По видимому, советское правительство на этот раз вполне понимало, что без публикации соглашения в данном случае не обойтись, и потому партийные органы КП(б)У немедленно отменили решение от 29 сентября, запрещавшее публикацию соглашения. Но для того, чтобы опубликовать его, для этого требовались по крайней мере сутки; а между тем обстановка на фронте была в высшей степени критической. Вот тогда-то советское правительство стало буквально обхаживать Махно как несговорчивую невесту. В тот самый день, когда был опубликован приказ Фрунзе, в ставку Махно в Ульяновку неожиданно приехал из Павлограда чрезвычайный уполномоченный III Интернационала, венгерский революционер Бела Кун. В своем «Открытом письме» Махно, к сожалению, не рассказывает, о чем он говорил с Бела Куном в Ульяновке. Он лишь сообщает, что Бела Кун приехал туда «с особого характера поручениями от

⁸¹ М.В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, стр. 409.

центральных органов большевистской партии и ее государственной власти».⁸² Надо полагать, что среди этих поручений было также официальное заверение о публикации текста соглашения в завтрашних газетах и просьба поторопиться с наступлением. (Если это так, то это обещание действительно было выполнено, хотя и не полностью: 22 октября в Харьковской газете «Коммунист» были опубликованы «Условия предварительного соглашения по военному вопросу между советским правительством Украины и Революционно-Повстанческой армией (махновцев)», в которых провозглашалась внутренняя независимость Революционно-Повстанческой Армии). Повидимому Бела Кун был неплохим дипломатом, и прежде чем начать беседу с Махно, он от имени Цк РКП(б) и Исполкома Коминтерна вручил ему в качестве подарка объемистый пакет с более чем ста фотокарточками деятелей Коминтерна. На пакете красовалась надпись, подчеркнутая жирной линией: «Борцу за рабоче-крестьянскую революцию товарищу Батько Махно». Казалось, что руководители всемирного революционного братства с надеждой взирали на Батька и ждали от него подвигов во имя мировой революции. Разве мог устоять против этого честолюбивый Нестор Махно! Полагаясь на слово Бела Куна он немедленно двинул свои части по указанному Фрунзе маршруту.

Около суток длились ожесточенные кровопролитные бои 12-ти тысячной РПА на всем протяжении ее пути от Ульяновки до Полог и от Полог до Александровска. 23 октября РПА с честью выполнила задание Командюжа: Александровская группировка противника была полностью рассеяна, причем часть ее была разбита, а другая часть взята в плен. Только в одном Орехове было захвачено более 4 тысяч врангелевцев. Вскоре был освобожден и Александровск. Эта операция под Ореховом – Александровском имела необычайно важное значение в деле разгрома Врангеля, поскольку она сорвала организованный отход белых в Крым. Фрунзе, однако, очень сдержанно оценил это историческое событие, отметив, как бы мимоходом в приказе по армиям Южного фронта от 24 октября, что «... в Александровском направлении частями 23-ей дивизии и Повстанческой армии, перешедшими в наступление 22 октября, разбит заслон противника, причем почти полностью захвачен в плен

⁸² Цит. произведение, стр. 11.

4-ый Дроздовский полк в числе четырех тысяч человек, 23 октября нами занят Александровск...». ⁸³ Кем и как был разбит противник, кто взял в плен полк равный по численности целой бригаде (напомню, что это сделала РПА) об этом в приказе не говорилось ни слова, так что намеренно создавалось впечатление, что сражение под Александровском с белогвардейцами – это результат совместных действий 23-ей дивизии и РПА, а не одних только повстанцев! Но это еще не все. Не считая нужным особо отмечать заслуги РПА, Фрунзе, не давая ей никакой передышки, в том же приказе потребовал, чтобы повстанцы немедленно приступили к преследованию противника, не позднее 29 ноября захватили крымские перешейки, победоносно вошли в Крым и здесь организовали заслон для отступающих частей Врангеля. ⁸⁴ Это была давнишняя мечта Фрунзе, изложенная им еще 20 октября в «Директивах армиям Южного фронта». ⁸⁵ По условиям того времени этот приказ Фрунзе был чудовищно неверным, и если бы Махно приступил к его выполнению, его армия, значительно поредевшая после боев под Александровском, еще не дойдя до Крыма, вне всякого сомнения оказалась бы окруженной и уничтоженной противником. Вспомним, что с аналогичным заданием не смогли справиться две конных и несколько полевых армий красных. Не буду сейчас вдаваться в подробности вопроса, как могло случиться, что Фрунзе отдал нелепый приказ, который требовал от РПА самоубийства, скажу только, что эта акция Фрунзе как две капли воды напоминает поведение красного командования весной 1919 года, когда оно хотело отделаться от Махно, столкнув его с конницей Шкуро. В самом деле, если Фрунзе полагал, что рейд в Крым может быть так легко осуществим, как ему казалось, то почему в таком случае он не сделал этого силами частей Красной Армии, которые были более надежны в политическом отношении?! Да и зачем в данном случае нужно было Фрунзе делить «куруцу славы» пополам с Махно?! Видимо, где-то в глубине души Фрунзе не особенно-то верил в осуществимость своей идеи и потому так нетерпеливо ждал прихода с польского фронта 1-ой конной армии, не имея смелости без Бу-

⁸³ М.В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, стр. 411.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же, стр. 408.

денного предпринимать общего наступления против Врангеля. Махно, конечно, не хуже Фрунзе понимал стратегическую обстановку на врангелевском фронте и потому не пошел на поводу у Командюжа: воспользовавшись правом на проведение мобилизации в повстанческом районе, правом, записанном к тому же в тексте военно-политического соглашения, он, не отказываясь от выполнения директивы Командюжа от 20 октября, временно двинул свою армию не на Крымские перешейки, а в свою «столицу» Гуляй-Поле. Само собой разумеется, что Фрунзе вынужден был смириться с этой вольностью Махно. Однако ровно через 4 дня, после того как на Никопольском плацдарме частями 2-ой конной армии была разгромлена марковская дивизия и красноармейские части обошли левый фланг укрепленных мелитопольских позиций Врангеля, – после этого он издал новый приказ, в котором самым категорическим образом потребовал от Махно, чтобы тот незамедлительно включился в общее наступление против Врангеля.⁸⁶ На этот раз Батько с полным вниманием отнесся к выдвинутым Фрунзе требованиям о прорыве Революционно-Повстанческой Армии в тыл противника. 29 октября полевая группа Революционно-Повстанческой Армии под общим командованием Семена Каретникова двинулась по маршруту Пологи-Бердянск-Перекоп с целью последующего прорыва к Симферополю. Полевая армия включала в себя около шести тысяч бойцов.⁸⁷

В ночь с 7 на 8 ноября двухтысячная штурмовая группа этой армии в составе пулеметного полка под командой Фомы Кожина и конного полка Алексея Марченко приняла участие в знаменитом форсировании Сиваша и затем, прорвав фронт противника в момент штурма Перекопа 51-ой дивизией Блюхера, ударила по перекопским тылам Врангеля и стремительно направилась к Симферополю. 13 ноября Симферополь пал под ударами повстанцев-махновцев.⁸⁸ Директива Командюжа от 20 октября подтвержденная затем приказом по армии за № 0011/ПШ от 5 ноября 1920 г. была выполнена. Прорыв повстанцами врангелевского фронта и их рейд по тылам противника

⁸⁶ М.В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, приказ № 257С., 7870П от 26 октября 1920 г., стр. 416.

⁸⁷ См. Гражданская война 1918-1921, т. 3, стр. 513, таб. № 1.

⁸⁸ См. В.В. Руднев, Махновщина. Харьков 1928, стр. 90-91.

несомненно ускорил разгром Врангеля. 15 ноября пал Симферополь, а 16 ноября – Керчь. Южный фронт, таким образом, был ликвидирован.

Сразу же после победы над Врангелем, советская пресса стала публиковать множество материалов о подвигах красноармейских частей, участвующих в крымском походе. Единственно, о чем не говорилось в прессе, так это о славном рейде штурмовой группы полевой Революционно-Повстанческой Армии. Это был тревожный симптом, который свидетельствовал о том, что между руководством Повстанческой Армии и красным командованием возникли какие-то трения которые таили в себе опасность нового конфликта. И вот 30 ноября оперативная сводка Реввоенсовета принесла печальную весть о конфликте.

«На Крымском полуострове, – говорилось в ней сухим телеграфным языком, – Повстанческая армия Махно, отказавшись исполнить приказ об переформировании, 26 ноября самовольно покинула район своего расположения и двинулась на Крым на присоединение к своим кадрам, находящимся в районе Гуляй-Поле. После завязавшихся боев с нашими частями остаткам махновцев, понесших потери, 29 ноября удалось прорваться из Крыма в направлении Аскания Нова и Громовка...⁸⁹

Почти одновременно с этой сводкой, а именно 2 декабря, в центральной украинской газете «Коммунист», в которой совсем недавно был напечатан текст соглашения, было опубликовано официальное сообщение Управления Чрезвычайной комиссии при Совнаркоме Украины об «Измене Махно» (так называлась статья, в которой Махно и связанное с ним движение вновь было объявлено контрреволюционерами и изменниками революции). После публикации этой статьи для всех стало очевидным, что победа над Врангелем еще не означала конца гражданской войны на Украине и что, может быть, только теперь она начинает приобретать свой наивысший размах, потому что, если раньше речь шла о борьбе с незначительными (относительно) белогвардейскими частями, то теперь пролетарская диктатура входила в острый конфликт с многотысячной мелкобуржуазной стихией, так что Революционно-Повстанческая Армия являлась лишь маленькой вершиной огромного крестьянского айсберга, скрытого под пестрой политической поверх-

⁸⁹ ЦГАОР, фонд 130, опись 4, ед. хр. 402, лист 144 (оборот).

ностью тогдашней Украины. И действительно, если считать с момента начала активных действий Красной Армии, то для разгрома Врангеля потребовалось каких-то два месяца, тогда как процесс ликвидации Революционно-Повстанческой Армии растянулся более чем на полугодие.

Кем и как было разорвано военно-политическое соглашение между советской властью и Революционно-Повстанческой Армией.

Как и следовало ожидать, наши чиновные историки проявляют полное единодушие, коль скоро они рассматривают вопрос о разрыве военно-политического соглашения. С их точки зрения, совпадающей, как легко догадаться, с официальной версией СНК Украины и Реввоенсовета Южного фронта, инициатором разрыва военно-политического соглашения, а следовательно, и лицом ответственным за то, что на левобережье Украины почти в течение девяти месяцев после разгрома Врангеля свирепствовала жесточайшая гражданская война, унесшая тысячи жизней и в конец разрушившая экономику республики, являлся не кто иной, как Батько Махно. Эти обвинения Махно в разрыве военно-политического соглашения и развязывании гражданской войны на левобережной Украине не соответствуют действительности и принадлежат к числу тех мифов, которые официальная историография создала вокруг имени руководителя повстанческого движения. Если отбросить в сторону незначительные вариации, наблюдаемые в трактовке истории разрыва военно-политического соглашения у официальных историков, то их аргументация, лежащая в основе указанного мифа, сводится к следующему.

17 ноября 1920 года, то есть сразу же после ликвидации Врангеля, Фрунзе немедленно предпринял меры для того, чтобы упорядочить организацию полевой армии Махно и слить ее с регулярными частями Красной Армии. В качестве первого шага на пути к достижению этой цели он выдвигал требование, чтобы Украинская Повстанческая Армия была оперативно объединена с 9-ой стрелковой дивизией и в дальнейшем перебросена на Кавказ.⁹⁰ Получив это указание, командующий Украинской Повстанческой Армией Семен Каретников, однако, отказался его выполнить и привел части своей армии в бое-

вую готовность на тот случай, если бы со стороны Красной Армии были предприняты попытки разоружить повстанческие части ввиду их отказа выполнить приказ Фрунзе. Тогда, неделю спустя, а именно 23 ноября 1920 года, Фрунзе в новом приказе по армии Южного фронта уже открыто потребовал реформирования Повстанческой Армии и следующим образом обосновал это свое требование.

Существование Повстанческой армии с особой организацией более не вызывается боевой обстановкой. Наоборот, существование наряду с частями Красной армии отрядов с особой организацией и задачами приводит к совершенно недопустимым явлениям. За последнее время имели место следующие факты:

1. 12 ноября в с. Михайловка убиты и раздеты догола 12 красноармейцев.

2. 16 ноября в с. Пологи ограблено несколько красноармейцев 124-й бригады, ехавших за оружием в артлетучку.

3. 17 ноября в с. Пологи банда под предводительством комвзвода 2-го конного полка Махно раздела и пыталась убить комвзвода 376-го полка.

4. 21 ноября в д. Вербовки ограблен ветврач 3-го артдивизиона 42-ой дивизии.

5. По донесению комполка 373, 21 ноября в с. Гуляй-Поле комполка махновской армии отобрал у двух красноармейцев хозяйства 373-го полка 35 тысяч винтпатронов, 15 винтовок, несколько ручных гранат и пулеметные части.

6. В районе Б. Токмака убит бандами каптенармус 9-й стрелковой дивизии, везший обмундирование.

7. 7 ноября в с. Ивановка убито 6 красноармейцев 2-й спешенной кавалерийской бригады.

8. В районе с. Жеребец ограблен отдел снабжения 23-й дивизии и произведен налет на транспорт интеркавбригады. Ранен командир транспорта и убито несколько красногвардейцев.

В районе расположения банд повстанцев они убивают советских работников, помогая тем самым кулакам бороться против пролетариата, красноармейцев и крестьянской бедноты. Кроме того, фронтовые части Повстанческой армии отказались 20 ноября выполнить боевой приказ фронта о движении на Кавказ. Различные группы, именующие себя махновцами, по всей Украине совершают грабежи и насилия над населением.

Все это заставляет Революционный Военный Совет Южного фронта торопиться с ликвидацией партизанщины и беспорядка в

⁹⁰ См. М.В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, стр. 451.

районе фронта, и поэтому он предлагает Реввоенсовету Повстанческой армии: 1) все части бывшей Повстанческой армии, находящиеся в Крыму, немедленно ввести в состав 4-ой армии, Реввоенсовету которой поручается их переформирование; 2) Упраформ в Гуляй-Поле расформировать и бойцов влить в запасные части по указаниям командарма запасной; 3) Реввоенсовету Повстанческой армии принять все меры к разъяснению бойцам необходимости проводимой меры. Командюж Фрунзе. Член Реввоенсовета Республики Смилга. Нач. полевого штаба фронта Каратыгин.⁹¹

Согласно официальной версии, Батько и на этот приказ не дал никакого ответа, и тогда Фрунзе в последний раз потребовал выполнения своих указаний, угрожая, в противном случае, предпринять против повстанцев открытые военные действия. В изданном 24 ноября приказе армиям Южного фронта за № 00155/ПШ Фрунзе в этой связи писал:

23 ноября Революционным Военным Советом Южного фронта отдан следующий приказ командованию так называемой Повстанческой армии: [следует вставка приказа от 23 ноября – В.Л.]... Бойцы Южного фронта, из фактов, перечисленных в приказе, вы видите, какая безобразная картина анархо-бандитского своеволия и разнузданности водворилась в нашем тылу. Махно и его штаб, послав для очистки совести против Врангеля ничтожную кучку своих приверженцев, предпочли в каких-то особых видах засесть с остальными бандами во фронтовом тылу. Теперь эти виды раскрываются. Господа махновцы вместо войны с Врангелем занялись борьбой с транспортом и тылами наших дивизий. Ими спешно организуются и вооружаются за счет нашего имущества новые отряды. С середины ноября на территории, занятой бандами, производится мобилизация крестьянского, главным образом кулацкого, населения. Помимо этого, успешно ведется агитация среди многочисленных толп военнопленных белогвардейцев с целью привлечения их в свои отряды. Спрашивается, против кого производится эта подготовка: против Врангеля – но его уже нет, благодаря геройским усилиям наших красных бойцов; Петлюры – но он тоже уже доживает последние дни вместе с Булах-Булаховичем под ударом красных полков Западного и Юго-Западного фронтов. Совершенно очевидно, что эта вся работа делается в целях подготовки к борьбе с Красной армией. Конечно, нужно совершенно потерять голову, чтобы серьезно думать о подобной борьбе, но главарям махновских шаек, привыкшим к разгулу, грабежу и своеволию, не до этих вопросов. Они чувствуют, что наконец-то в России наступает время

⁹¹ М.В. Фрунзе, Собрание сочинений. Т. 1. Москва-Ленинград 1929, стр. 177.

ликвидации гражданской войны. Чувствуют, что скорор, очень скоро никаким молодцам махновского или иного типа нельзя будет обдывать свои делишки. И чувствуя это, они готовы ринуться в последнюю авантюру, стараясь использовать недовольство советской властью кулацких верхов деревень. Наш долг, товарищи, в самом корне пресечь эту глупую и вредную затею. До 26 ноября я буду ждать ответа на вышеизложенный приказ. В случае неполучения такового, что представляется наиболее вероятным в связи с поступившими за сегодняшний день донесениями о начавшихся выступлениях махновских отрядов и ряде новых нападений на наши части, красные полки фронта, покончившие с Врангелем, заговорят с махновскими молодцами другим языком. Товарищи красноармейцы, командиры и комиссары, будьте наготове в любой момент раздавить семя подготовляющейся кулацко-анархистской авантюры. С махновцами надо покончить в три счета. Всем частям действовать смело, решительно и беспощадно. В кратчайший срок все бандитские шайки должны быть уничтожены, а все оружие из рук кулаков изъято и сдано в государственные склады. Уверен, что славные бойцы тех частей фронтов, на долю которых падает выполнение данной задачи, вполне оправдают доверие Республики. Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях и командах. Командующий Южным фронтом Фрунзе-Михайлов.⁹²

В адресе этого приказа, опубликованного в собрании сочинений Фрунзе и затем воспроизведенного по этому тексту (обратите внимание: воспроизведенного не по тексту архивного документа, а именно по тексту собрания сочинений) в сборнике «М.В. Фрунзе на фронтах гражданской войны» указывалось, что он должен был быть разослан всем армиям Южного фронта, в том числе, конечно, и Революционно-Повстанческой Армии. Батько, однако, и на этот раз, якобы, не прореагировал на приказ Фрунзе и, продолжая отмалчиваться, начал стягивать в свой район повстанческие силы, намереваясь напасть на Красную армию. Тем временем истек срок ультиматума, предъявленного Махно приказом Фрунзе от 24 ноября. Тогда в 1 час 35 мин. ночи 26 ноября Фрунзе отдал приказ за № 00181 в котором говорилось:

Требования Реввоенсовета Южфронта предъявленные 23 ноября командующему Повстанческой Армии о расформировании партизанских отрядов, производящих бесчинства, им не выполнены. Махно открыто выступил против Советской власти и Красной ар

⁹² М.В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, стр. 453-455.

мии, объявив мобилизации в районе Гуляй-Поле и начав враждебные действия нападением на отдельные отряды Красной армии. Ввиду изложенного приказываю: Первое. Войскам фронта считать Махно и все его отряды врагами Советской республики и революции. Второе. Командирам всех частей Красной армии, имеющих соприкосновение с махновскими отрядами, таковые разоружить, оказывающих сопротивление – уничтожить. Третье. Всю территорию УССР в кратчайший срок очистить от остатков бандитских шайк и тем обеспечить возможность мирного строительства.⁹³

Такова официальная версия истории разрыва военно-политического соглашения между Советской властью и Революционно-Повстанческой Армией. В ее освещении «измена» Махно предстает в особенно резком и неприглядном виде. И надо сказать, что на первый взгляд, этот миф выглядит вполне убедительно, тем более, что в основе его лежат не просто чьи-либо домыслы, а официальные приказы командования Южного фронта, которые, кажется, говорят сами за себя. Однако, если поглубже вдуматься в эти приказы и, главное, рассмотреть их в связи с другими официальными документами, то тогда перед нами откроется неприглядная картина сознательной фальсификации исторических фактов в этих приказах, а вместе с ней и та неприглядная роль, которую играл в этом деле Фрунзе. Прежде всего, Фрунзе не имел никакого права в одностороннем порядке требовать от Махно выполнения его приказов о переброске полевой группы Революционно-Повстанческой Армии на Кавказский фронт и, конечно, тем более переводить ее на регулярные начала и сливать с Красной Армией. Срок действия соглашения, как мы помним, простирался до конца выборов на Всеукраинский съезд Советов, и если бы Фрунзе честно относился к своим договорным обязательствам, то он, конечно, вспомнил бы, что одна из статей соглашения говорила о том, что «Революционно-Повстанческая Армия Украины (махновцев) входит в состав вооруженных сил республики, как партизанская... сохраняет внутри себя установленный ранее порядок, не проводя основ и начал регулярных частей Красной Армии», вспомнив это, он должен был соблюдать условия соглашения по крайней мере в течение указанного выше срока, чего он не сделал. Далее, переброска армии на Кавказский фронт –

⁹³ Там же, стр. 456.

это уже не оперативное, а стратегическое распоряжение, и потому требовать выполнения этого распоряжения армией Махно со стороны Фрунзе являлось противозаконным. Пойдем дальше. В своем приказе 00181 от 26 ноября Фрунзе говорил заведомую ложь, когда утверждал, что его приказ от 23 ноября *был доведен до сведения Махно*, равно как и повторный ультиматум, изложенный в приказе за № 00155/ПШ от 24 ноября, где Фрунзе писал о том, что он будет ждать только до 26 ноября. Аршинов сообщает в своей «Истории махновского движения», что командование Революционно-Повстанческой Армии впервые узнало о приказе от 23 ноября спустя две недели после нападения частей Красной Армии на Гуляй-Поле. «Он был напечатан, – утверждает Аршинов, – впервые 15 декабря в Харьковской газете ‘Коммунист’, а дата на нем была 23 ноября».⁹⁴ То же самое говорил об этом и В. Белаш в своих мемуарах на допросе в Харьковской ЧК 4-5 ноября 1921 года:

Махно и Штарм в это время [т.е. 23/XI 1920 – В.Л.] об ультиматуме не знали ввиду того, что нам его даже не передавали. Лишь через 2-3 недели, когда к нам присоединилась пришедшая из Крыма крымская группа, мы узнали от Тарановского и Марченко о том, что Каретников и Гавриленко были вызваны из Евпатории в Симферополь, где им предъявили требование о разоружении.⁹⁵

Конечно, чтобы быть доведенным до сведения Революционно-Повстанческой Армии, этот приказ не обязательно должен был печататься в газетах, так что аргумент Аршинова еще ничего не значит, хотя, конечно, и заставляет прислушаться к себе. Наиболее объективным по своему характеру является показание Белаша, поскольку он искренне перешел на сторону советской власти и как показывает анализ действительно давал чистосердечные показания. Однако у нас имеется и прямое доказательство того, что этот приказ не был доведен до сведения Махно ни 23, ни 24, ни даже днем 25 ноября, потому что, как явствует из документов самого же Фрунзе, он намеревался довести свой приказ до сведения Батько никак не ранее вечера 25 ноября, то есть уже после приказа от 24 ноября, в котором он грозился «ждать до 26 ноября», а затем, в случае неполучения

⁹⁴ См. П.А. Аршинов, указ. соч., стр. 187.

⁹⁵ См. Архив истории партии при ЦК КПУ, фонд 5, опись 1, ед. хр. 332, лист 162.

ответа, начать против повстанцев военные действия. Вы спросите, читатель, где находится это доказательство, разоблачающее все махинации Фрунзе вокруг военно-политического соглашения с Революционно-Повстанческой Армией? Как это ни странно, но оно находится в том же самом сборнике, в котором помещены все цитируемые нами приказы Фрунзе, а именно – в сборнике «М.В. Фрунзе на фронтах гражданской войны»! Здесь за № 460 на стр. 453 помещен текст телеграммы Ленину и Каменеву, которую Фрунзе отправил в Москву 23 ноября, стало быть как раз в тот день, когда, согласно легенде, был доведен до сведения Махно приказ с требованием о переформировании Революционно-Повстанческой Армии. В этой телеграмме говорилось:

В ночь с 25-го на 26-е должна начаться ликвидация остатков партизанщины. Одновременно с настоящей телеграммой мной высылаются подготовительный приказ. Включенный в его текст приказ командарму Повстанческой армии будет передан последнему вечером 25 ноября. В общем работа начинается ранее намеченного мной срока (29-30 ноября). К этому времени я рассчитывал такую группировку сил, которая обеспечила бы сокрушающий удар, к сожалению, с одной стороны под давлением из Харькова, с другой – самой обстановкой операция разворачивается раньше. Полагаю, что и при этих условиях она все же должна оказаться успешной. Все инструкции начотрядам мной даны лично в Мелитополе и Синельникове [в Синельникове Фрунзе был до 20 ноября – В.Л.]. Для исключения подозрений начальнику тыла 4-ой армии приказал принять ряд необходимых мер.

Одному только Богу известно, чем руководствовались составители и редакторы сборника, помещая в нем эту скандальную во всех отношениях телеграмму. Думается, однако, что это было сделано не по недомыслию, а для того, чтобы скомпрометировать Фрунзе, если иметь ввиду давнишнюю и затаенную зависть Ворошилова и Сталина к военной славе Фрунзе, которая, прямо скажем, была весьма раздута тогдашними военными историками. Как бы там ни было, но из этой телеграммы со всей определенностью следует, что Фрунзе еще задолго до 23 ноября планировал нападение на Революционно-Повстанческую Армию и под этим именно углом зрения вел соответствующую подготовку в частях Красной Армии. Теперь понятно, почему приказ от 23 ноября он хотел вручить Махно лишь вече-

ром 25, то есть после того, как по армиям Южного фронта должен был быть уже прочитан приказ от 24 ноября с ультиматумом Фрунзе. В сущности, приказ от 23 ноября Фрунзе понадобился не для того, чтобы довести его до сведения Махно, а чтобы включить его в приказ от 24 ноября и тем самым скомпрометировать Революционно-Повстанческую Армию в глазах рядовых красноармейцев как раз накануне запланированного нападения на повстанческий район. Фрунзе не довел приказ от 23 ноября до сведения Махно еще и по другой причине: дело в том, что все выдвинутые в этом приказе обвинения против Революционно-Повстанческой Армии, как говорится «притянуты за уши» и никакого отношения к повстанцам-махновцам не имеют. И в самом деле: из восьми примеров так называемых «бесчинств» махновцев только два (3-ий и 5-ый) могут быть *формально* отнесены на их счет. Что же касается пяти остальных, то даже из текста пресловутого приказа совершенно неизвестно, кто совершил эти преступления: махновцы или обыкновенные уголовные бандиты, которые в условиях распада гражданских связей буквально заполонили Украину и грабили всех, не взирая на то, белые они или красные, черные или зеленые. К тому же, во время борьбы с Врангелем советское правительство заключало союзы со всякого рода «зелеными» бандами, и они, надо полагать, тоже не сидели без дела. Наконец, в те времена на Украине «пошаливали» и милиционеры, которые из милиции уходили в банды без всякой политической окраски. Этот факт вынужден был признать даже Раковский в своем докладе на V съезде Советов, когда он сетовал на то, что этот отлив милиционеров в бандитизм происходит оттого, что труд милиционеров плохо оплачивается.⁹⁶ Ну разве мог Махно отвечать за весь этот сброд и за те дела, которые они творили на освобожденной от Врангеля территории?! А ведь в приказе Фрунзе с перечислением «злодейств» махновцев конкретно даже не указывается, кем, собственно, совершались эти преступления, махновцами или кем-либо другим. Только в двух случаях Фрунзе указывает на махновцев, и оба эти примера показывают, сколь нечистоплотен был Фрунзе в своих обвинениях. Рассмотрим их.

⁹⁶ См. Бюллетень № 2 V Всеукраинского съезда Советов. Харьков 1921, стр. 31.

1) В приказе от 23 ноября под обвинением, № 5 записано: «По донесению Комполка 373, 21 ноября в с. Гуляй-Поле комполка махновской армии отобрал у двух красноармейцев хозяйства 373-го полка 35 тысяч винтпатронов, 15 винтовок, несколько ручных гранат и пулеметные части».⁹⁷ Здесь, прежде всего, возникает вопрос, как могло случиться, что каких-то два беспризорных красноармейца затесались в Гуляй-Поле и были ограблены среди белого дня? Зная как легко авторы и редакторы наших официальных документов обращаются с первоначальным текстом, автор этого исторического очерка сразу же усомнился в том, что написанное в приказе – правда, потому что по негласным махновским законам грабеж в «столице махновии» был недопустимым явлением. Усомнился он и в третьем пункте обвинения, гласящем, что 17 ноября в с. Пологи «банда под предводительством комвзвода 2-го конного полка Махно раздела и пыталась убить комвзвода 376-го полка». Здесь сомнительной является сама формулировка обвинения: если «пыталась», то почему не убила, а если не убила, то значит и не пыталась. В общем, автору пришлось затратить немало времени, чтобы найти в архиве Красной Армии текст этого приказа, который был протелефонирован Ленину. В итоге выяснились любопытные вещи:

1) Пятый пункт обвинения в тексте, опубликованном в сборнике, оказался настолько перередактированным по сравнению с первоначальной редакцией, что можно прямо говорить о его фальсификации. В тексте приказа, отправленного Ленину, значилось совсем иное, чем в сборнике, а именно: «По донесению комполка 173, 21 ноября в с. Гулбиковке... махновской армией отобрано у двух красноармейцев хозяйства 373 полка 35 тысяч винтпатронов, 15 винтовок, несколько ручных гранат и пулеметные части».⁹⁸ 2) Равным образом «перередактированным» оказался и третий пункт обвинения. Здесь написано, что «17 ноября в с. Пологи банда под предводительством комвзвода 2-го конного полка Махно раздела и пыталась бить комвзвода 376 полка».⁹⁹

⁹⁷ М.В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, стр. 454.

⁹⁸ См. ЦГАСА, фонд 33988, опись 1, ед. хр. 278, лист 163.

⁹⁹ Там же.

Итак, с одной стороны, не Гуляй-Поле, а какая-то Гулбиковка, а, с другой – не убийство, а просто попытка битья, рукоприкладство. Это, конечно, коренным образом меняет дело. Если грабеж двух красноармейцев произошел не в Гуляй-Поле, а в Гулбиковке, причем об этом сообщил не комполка 373, а странным образом оказавшийся здесь комполка 173, то ясно, что нельзя с полной уверенностью обвинить в этом махновцев, потому, что в Гулбиковке могли оказаться не махновцы, а бандиты, а, с другой стороны, не исключено, что комполка 173 мог доносить об этом просто по слуху или, что еще хуже, войти в сговор с двумя красноармейцами, загнать оружие и боеприпасы на сторону, а затем обвинить в этом Махно. Точно также и насчет инцидента с комвзводом 376-го полка. Никто его не собирался убивать, а просто хотели побить, и никто не знает за что махновцы села Пологи хотели сделать это. Может быть, он вполне и заслужил это, потому что достаточно прочесть Бабеля, чтобы понять, что и Красная Армия в бытовом отношении не всегда находилась на высоте положения. Таким образом, обвинения Фрунзе, выдвинутые против Революционно-Повстанческой Армии, в лучшем случае не обоснованы, а в худшем – просто фальсифицированы. Если уж речь зашла о фальсификации приказов Фрунзе, относящихся к истории конфликта с Махно, стоит, пожалуй, отметить и еще один случай с тем, чтобы больше уже не возвращаться к этому вопросу. В приказе от 24 ноября, помещенном в сборнике «М.В. Фрунзе на фронтах гражданской войны» мы, между прочим, читаем:

До 26-го ноября я буду ждать ответа на вышеизложенный приказ. В случае невыполнения такового, что представляется наиболее вероятным, в связи с поступившими за сегодняшний день донесениями о начавшихся выступлениях махновских отрядов и ряде новых нападений на наши части [подчеркнуто мной – В.Л.] красные полки фронта, покончившие с Врангелем, заговорят с махновскими молодцами другим языком.

Подчеркнутые в тексте слова являются позднейшей интерполяцией, рассчитанной на то, чтобы создать у последующих поколений видимость законности нападения Красной Армии на повстанцев в ноябре 1920 года. Ничего этого в первоначальном тексте приказа не было. Здесь было написано более просто: «До 26 ноября я буду ждать ответа на вышеуказанный приказ. В случае неполучения такового, что представляется

наиболее вероятным, полки фронта...».¹⁰⁰ Смысл этой вставки очевиден: еще раз, хотя бы задним числом, скомпрометировать махновцев и представить их в качестве бандитов. Из анализа приказа от 23 ноября следует, таким образом, что все обвинения Революционно-Повстанческой Армии в так называемом «анархо-бандитском своеволии и разнузданности» не стоили и выеденного яйца. Если бы приказ Фрунзе был доведен до сведения повстанцев, они без труда смогли бы опровергнуть эти обвинения. Но все дело в том, что приказ этот и не должен был доводиться до сведения повстанцев. Как уже говорилось, его цель состояла в компрометации повстанцев, а потому он никогда не мог попасть к ним в руки. У наших официальных историков, впрочем, остается еще одна возможность сохранить от разгрома свою концепцию. Дело в том, что в адресе приказа от 24 ноября, опубликованного в сборнике, указано также командование Революционно-Повстанческой Армии. На этом основании можно было бы предположить, что если приказ от 23 ноября не попал к Махно, то к нему уж определенно попал приказ от 24 ноября. Однако это предположение, не говоря уже о том, что оно противоречит всему духу телеграммы Ленину, не находит своего подтверждения в известных нам фактах. Более того, оно противоречит им, потому что указание в адресате приказа от 24 ноября командования Революционно-Повстанческой армии – *тоже позднейшая вставка*. Из текста приказа, отправленного Ленину, следует, что адресатами были: Ленин, Троцкий, Главком Каменев, Предсовнаркома Украины Раковский, командарм 6-ой и 4-ой, начтыла 4-ой, командармы 2-ой и 1-ой конной, командарм запасной, командарм ВНУС и уполномоченный РВС Южфронта Быжевский.¹⁰¹ Батько Махно в этом адресате отсутствует. Подводя итог рассмотрению официальной версии истории разрыва военно-политического соглашения между Советской властью и Революционно-Повстанческой Армией, мы теперь с полной ответственностью, опирающейся на научно проверенные, факты, можем сказать, что она представляет собой результат заранее задуманной и проведенной в государственном масштабе мистификации общественного мнения, предпринятой с целью утаить, кем и как в действи-

¹⁰⁰ ЦГАСА, фонд 33988, опись 1, ед. хр. 278, лист 165.

¹⁰¹ ЦГАСА, фонд 33988, опись 1, ед. хр. 278, лист 163.

тельности было разорвано военно-политическое соглашение. Инициатором его являлось высшее советское партийное и военное руководство, а непосредственным исполнителем – командующий Южным фронтом Фрунзе.

Зададимся теперь вопросом, какова была подлинная история разрыва этого соглашения. Но прежде чем приступить к изложению документов и фактов, относящихся к этому вопросу, выясним, какая из подписавших соглашение сторон по условиям того времени была более другой заинтересована в разрыве соглашения – Махно или советское правительство? Обратимся к анализу политического и военного положения повстанческого района и махновской армии в конце ноября 1920 года. Первое, что обращает на себя при этом [внимание], это то, что район, контролируемый Революционно-Повстанческой Армией в это время по своей территории был примерно тем же, что и весной 1919 года. На севере он простирался до Павлограда, на востоке – до Славянска, Юзовки и Волновахи; на юге до Мелитополя и Бердянска, на западе – вплотную подходил к Екатеринославу и Александровску. На территории этого района всюду кипела творческая, созидательная работа: создавались «вольные советы», сельскохозяйственные коммуны (только в одном Гуляй-Поле их было две), создавались органы народного образования и здравоохранения, проходило создание отрядов народной самообороны, – короче говоря, махновцы, как говорится, были намерены засесть в этом районе всерьез и надолго, чтобы воплотить в жизнь свои идеалы устройства анархического общества. Такое намерение было продиктовано полной уверенностью повстанцев в том, что Центральное правительство наконец-то оценит их заслуги в борьбе против Деникина и Врангеля и со временем подпишет тот пункт соглашения, согласно которому в повстанческом районе будет процветать федерация «вольных органов экономического и политического самоуправления», а также их договорная связь с государственными органами советских республик. Конечно, *руководство* Революционно-Повстанческой Армии не особенно-то разделяло эти надежды рядовых повстанцев, но и не пыталось разуверять их, потому что политическое влияние анархо-коммунистической организации на крестьян повстанческого района было необычайно велико, и оно, естественно, не могло бы пошатнуться от того, если бы этим надеждам рядовых повстан-

цев не суждено было сбыться. После победоносных рейдов Революционно-Повстанческой Армии и особенно после победы над Врангелем, влияние махновской идеологии простиралось также далеко за пределы повстанческого района, находя себе сторонников не только среди рабочих, красноармейцев и профсоюзных деятелей, но даже среди многих членов коммунистических организаций. Член Екатеринославского губкома КП(б)У М. Равич-Черкасский не так уж далек был от истины, когда писал в 1920 году:

Но махновщина – болезнь, заразившая не только Красную армию. Махновщина это не только то, что делают банды, называющие себя махновскими. Махновщиной заражена вся Украина, все ее партийные, гражданские и военные учреждения. Каждый украинский революционер: большевик, коммунист, левый эсер, – в той или иной степени подвержен этому заболеванию.¹⁰²

В сущности этот рост влияния махновской идеологии являлся выражением глубочайшего кризиса политики «военного коммунизма», и нет поэтому ничего удивительного в том, что махновская идеология, а вместе с ней и политическое влияние Махно так стремительно распространялись на Украине. Весьма важным моментом, вызывавшим большое беспокойство советского правительства и коммунистической партии, в этом росте влияния махновской идеологии было то, что махновские лозунги все более и более совпадали с лозунгами и программами различного рода антипартийных групп, имевших место в рабочем движении России осенью 1920 года и весной 1921 г. Чтобы не быть голословным, достаточно указать хотя бы на такие факты, как: массовые волнения рабочих на промышленных предприятиях Москвы и Петрограда, рост синдикалистских течений внутри РКП(б), наконец, Кронштадтский мятеж, открыто провозгласивший махновские лозунги. Естественно, поэтому, что советское правительство необычайно зорко следило за тем, чтобы не были установлены какие-либо организационные связи между махновским движением, с одной стороны, и антипартийными выступлениями рабочих – с другой. Не случайно, что в еженедельных информационных сводках ВЧК, один из экземпляров которых обязательно поступал к Ленину, иногда встречаются указания относительно махновского дви-

¹⁰² М. Равич-Черкасский, *Махно и махновщина*. Екатеринослав 1920, стр. 19.

жения вообще и о связи, которую он пытается установить с «северными» товарищами, в частности. Так, например, в информационной сводке секретного отдела ВЧК с 1 по 16 июля 1920 года ее составители сочли нужным сообщить Ленину следующее: «Выяснилось, что 3 махновца едут в Харьков, Екатеринослав, Полтаву, Москву для установления связи с северными организациями. В Москву также выехало несколько махновцев».¹⁰³ Повторяем, такие сведения, видимо, очень интересовали Ленина, и именно поэтому они отмечались в сводках ВЧК, поступивших к нему на стол. Но, конечно, более всего влияние махновской идеологии проявлялось на Украине. После того, как было достигнуто соглашение и махновцам было предоставлено право пропаганды своих взглядов и издания газет, они появились во всех промышленных центрах и здесь начали расшатывать и без того слабое влияние партийных и правительственных органов на рабочий класс. Особенно махновцы любили проводить открытые диспуты с представителями коммунистической партии на глазах многотысячных голодных толп рабочих. Эти диспуты, судя по всему, не только заканчивались победой махновцев, но одновременно с этим вызывали крайнее недовольство рабочих внутренней политикой партии и государства. Неудивительно поэтому, что по мере того, как в рабочей среде росло влияние махновской идеологии, партийные деятели Украины все более и более приходили к выводу о том, что, заключив соглашение с Махно, ЦК КП(б)У и Реввоенсовет Южного фронта допустили большую политическую ошибку, граничащую с преступлением. «Я считаю, – говорил один из ответственных работников ЦК КП(б)У на V партийной конференции Республиканской организации, Стен, – что наше соглашение с Махно – большое преступление. Нельзя было идти ни на какие разговоры с ним. Я не знаю военной силы Махно; может быть, для тов. Гусева он имел реальное значение, но для нас – это очаг заразы. Если здесь, в Харькове, происходят забастовки [в ноябре месяце самой крупной из них была забастовка на харьковском паровозостроительном заводе – В.Л.], то тут основная причина, конечно, – хлеб и голод. Но здесь начинает сказываться и махновское влияние. Был, например, созван митинг [в харьковском цирке – В.Л.], где ответственные ра-

¹⁰³ ЦГАОР, фонд 130, опись 3, ед. хр. 414, лист 32.

ботники ЦК дискуссировали с махновцами [с Д.И. Поповым – В.Л.]. К нам, в Киев, явились представители анархических групп и требовали выпуска газет на том основании, что в Харькове, мол, подписано соглашение, но никаких анархистских газет не разрешили». ¹⁰⁴ Это мнение Стена на конференции, конечно, было объявлено неправильным, ибо он и в самом деле не был знаком с обстоятельствами заключения соглашения, в частности, с тем, что Красная Армия просто не могла обойтись без помощи Махно. Однако, с другой стороны, ЦК КП(б)У не возможно было также и отрицать роста влияния махновцев на рабочий класс Украины. В конце-концов сама жизнь убедила его в этом, преподнеся довольно ощутимый урок. Дело в том, что несмотря на отчаянные попытки приостановить забастовку на харьковском паровозостроительном заводе, ЦК КП(б)У так и не удалось сделать этого, не пойдя на уступки рабочим, которые в своих переговорах с администрацией выдвигали именно махновские лозунги. Вначале ЦК КП(б)У попытался было привлечь к управлению заводом анархистскую группу «Набат», представлявшую в то время Революционно-Повстанческую Армию в Харькове. И вот тогда-то до высшего партийного руководства Украины наконец-то дошло в полной мере, какой идеологической пищей питаются рабочие и что можно ожидать от анархистов в связи с возникшим конфликтом между государством и рабочими. На совместном, махновско-советском, совещании созванном специально по вопросу о забастовке на ХПЗ, конфедерация «Набат», в лице В.М. Волина (Эйхенбаума), как говорится, поставила все точки над «и». От участия в работе «властных» хозяйственных органов анархисты категорически отказались, а что касается забастовки, то целиком и полностью поддержали ее.

Забастовка, – заявил, по словам Яковлева, Волин, – есть дело самих рабочих. Если рабочие забастовку начали – они должны продолжать ее до полного успеха. Но являясь партией и стоя на точке зре-

¹⁰⁴ Бюллетень № 3, 5-ой Всеукраинской конференции КП(б)У, Харьков 1920, стр. 19. Стен не совсем искренен, когда говорит, что главная причина забастовок в Харькове – голод. Голод, конечно, играл свою роль, но причина осенних волнений – это попытка ввести на промышленных предприятиях Украины дисциплинарные суды, которые грозили увольнением рабочих за малейший прогул и это, естественно, не могло не вызывать справедливого гнева рабочих.

ния истиной самодеятельности масс, анархисты отказываются от участия в хозяйственных органах республики.¹⁰⁵

Если Яковлев правильно передает смысл ответа Волина, в чем, откровенно говоря, мы очень сомневаемся, то, скажем прямо, он был не совсем умным и дипломатичным. Но для нас в данном случае важным является другое: то, что ЦК КП(б)У, обратившись за помощью к махновцам в деле улучшения управления производством и улаживания конфликта с рабочими, тем самым признал огромное влияние махновцев на рабочий класс Украины. Суммируя все вышесказанное, спросим: разве мог Махно при такой благоприятной для него обстановке, сложившейся накануне выборов на Всеукраинский съезд советов, помышлять о том, чтобы сорвать военно-политическое соглашение с советской властью? Ответ может быть только один: конечно, нет! В конце ноября 1920 года он, пожалуй, как никогда был заинтересован в сохранении этого соглашения, потому что оно сулило ему политическую победу, если не во Всеукраинском, то, во всяком случае, в масштабе всей левобережной Украины. Напротив, СНК Украины, а вместе с ним и ЦК КП(б)У должны были занимать по этому вопросу прямо противоположную позицию, как в силу политических причин, так и в силу экономических: не следует забывать, что к концу ноября СНК Украины собрал только 20 миллионов пудов хлеба из 160 миллионов пудов разверстки, а победа махновцев на выборах не обещала ничего хорошего и в дальнейшем. Мы помним, что Фрунзе в своей телеграмме Ленину от 23 ноября 1920 г. сообщал, что с выступлением против Махно его торопят из Харькова. Мы, к сожалению, не знаем, чем аргументировал эту свою поспешность Харьков, однако, думаем, что главное в этом была боязнь предстоящих выборов и того, что, если будет сохраняться военно-политическое соглашение, то промышленные центры останутся окончательно без хлеба. Есть все основания предполагать, что эти опасения и требование расправы с анархистами доводились до сведения не только Фрунзе, но и Москвы, где еще встречали полное понимание. Только этим и можно объяснить, что уже в конце октября Фрунзе начал вести подготовку по ликвидации Махно. Поразительно, но это факт:

¹⁰⁵ Я.А. Яковлев, *Махновщина и анархизм. Красная Новь*, Москва, 1921, № 2, стр. 255.

не успели еще просохнуть чернила, которыми подписывалось соглашение, а Фрунзе в своей телеграмме от 26 октября 1920 года за № 001 / ПШ уже таинственно сообщал Ленину после совещания в Апостолово: «Все разъехались в наилучшем настроении. Даны соответствующие директивы в отношении Махно». ¹⁰⁶ Затем следуют: знаменитый приказ армиям Южного фронта от 17 ноября 1920 г., в котором Фрунзе собирается переводить Повстанческую Армию на Кавказ, телеграмма Ленину от 23 ноября и, наконец, телеграмма Главкому от 24 ноября 1920 года за № 00157 / ПШ, в которой он согласовывает окончательно свои идеи по разгрому Революционно-Повстанческой Армии. «Прошу сообщить, – пишет он в этой телеграмме Камневу, – последуют ли с вашей стороны какие-либо указания в отношении изменения намеченной мной перегруппировки фронта. После некоторых изменений, вызванных обстановкой во фронтовом тылу, таковая представляется сейчас в следующем виде: Первое. 2-ая Конная на марше в район Пологи, Цареконстантиновка, куда прибудет 27-28 ноября; отсюда будет продолжать движение на Кавказ; в районе Пологи окажет содействие по уничтожению банд и разоружению населения. Второе. 1-ая Конная на марше в район Елисаветград, Апостолово, Екатеринослав. 23 ноября дивизии имели дневку в районе Чаплинка, Черная Долина, Балтазарский. 4-ая дивизия из этого района направлена в район Синельниково, куда должны прибыть не позднее 30 ноября. Здесь дивизия должна оказать содействие по уничтожению шаек и изъятию у населения оружия. Командарм 24 ноября прибывает в Екатеринослав. Третье. Дивизии 6-ой армии с 22 ноября в движении на Перекоп и далее на Херсон, Николаев. Командарм 6 в 24 часа 24 ноября сдает западный участок Крыма командарму 4. Четвертое. 4-ая армия в составе 2, 9, 30, 23 и 46 дивизий и 3-го конкорпуса несет с 24 ноября охрану Крыма. 42-ая дивизия, Отдельная богучарская бригада и Интербригада под общим командованием начтыла имеет задачу очистить от бандитов район Пологи, Гуляй-Поле, Орехов, Синельниково, Мечетная, Александровск. Дивизия курсантов 26 ноября сосредотачивается в Мелитополь, где временно поступает в подчинение начтыла». ¹⁰⁷ Почти одновре-

¹⁰⁶ М.В. Фрунзе на фронтах гражданской войны, стр. 415.

¹⁰⁷ Там же, стр. 455-456.

менно с этим по указанию Фрунзе в районе Синельниково была создана, так называемая, Северная группа войск по борьбе с бандитизмом в составе сводной Заволжской отдельной бригады, Киргизской отдельной бригады, 19-ой бригады ВНУС, двух отдельных полков под общим командованием Покуса.¹⁰⁸ Разумеется, все эти мероприятия Фрунзе мог проводить лишь с прямого благословения Москвы. Больше того, есть все основания полагать, что именно Москва руководила всей этой подготовкой и давала прямые указания Фрунзе, как поступать ему в том или ином случае. Это в равной степени относится и к подготовке противоманховской операции и к началу проведения ее. Сохранилось любопытное свидетельство одного из активных участников анархического движения на Украине, А. Горелика, в котором эта руководящая роль Москвы в разгроме Махно предстает довольно определенно. В своей книге «Гонения на анархизм в Советской России» он, в частности, пишет следующее по поводу «руки Москвы»: «За несколько дней до разгрома, – как только поражение Врангеля стало несомненным, – московская центральная радиостанция телеграфировала по всем провинциальным станциям распоряжение правительства о *выключении всех, аппаратов, кроме центральных* – в Харькове и в Крыму – для принятия срочной секретной телеграммы. Одним сочувствующим, служившим на провинциальной радиостанции, распоряжение не было выполнено. Он принял следующую телеграмму: – *«Взять на учет всех анархистов на Украине, в особенности в махновском районе. Ленин»*. Через несколько дней, почти накануне разгрома, – последовала при тех же условиях вторая телеграмма: – *«Вести усиленную слежку за всеми анархистами и приготовить материал по возможности уголовного характера, по которому можно было бы привлечь к ответственности. Материал и распоряжения держать в секрете. Разослать надлежащие распоряжения повсеместно»*. – Спустя всего несколько часов, последовала и последняя лаконическая телеграмма: *‘Анархистов всех задержать и предъявить им обвинения’*».¹⁰⁹ Ввиду засекреченности многих архивных материалов, сейчас не представляется возможным прове-

¹⁰⁸ Рыбаков, Махновские операции в 1920 году. Красная Армия, Москва, 1922, № 2, стр. 11.

¹⁰⁹ Указ. соч. Берлин 1922, стр. 24. Курсив В.Л.

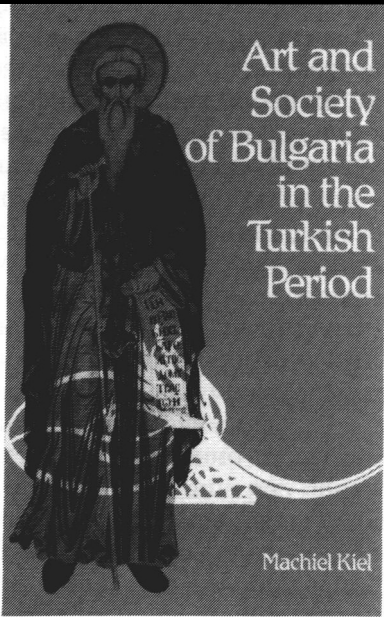
речь документально, в какой мере эти свидетельства Горелика отражают истину. Однако, если мы рассмотрим его в свете уже известных нам материалов, то окажется, что ничего невероятного и невозможного в этом сообщении не содержится. Это, помимо всего прочего, подтверждается также и официальным документом, вышедшим из-под пера представителя Всеукраинского ЧК. В частности, в отчете Центрального управления чрезвычайных комиссий при Совнарком Украины за 1920 год к V Всеукраинскому съезду советов прямо указывается, что финальная история ареста всех анархистов-махновцев к концу ноября 1920 года была начата по прямому указанию Центрального правительства, которое в ночь на 25 ноября, то есть примерно в то же время, о котором говорит Горелик, разослало всем предгуб ЧК директиву, в которой говорилось: «Ввиду нарушения договора, немедленно под личную ответственность предгуб ЧК произведите обыск и арестуйте всех махновцев-анархистов всех направлений...»¹¹⁰ Итак, инициатива разрыва военно-политического соглашения между Махно и советской властью всецело принадлежала советскому правительству. И тут перед нами вновь (в который уже раз!) встает вопрос о том, в какой мере это было оправдано со стороны экономических и политических интересов пролетарской диктатуры? Если исходить из реальных интересов экономического развития Украины, а не из догматических построений теории безтоварного социализма, то эта мера была явно ошибочной. Временное улучшение хлебозаготовок, которое ожидалось после разгрома Революционно-Повстанческой Армии и которое, отметим здесь, действительно было достигнуто в течение декабря-февраля месяца, в тех конкретных условиях могло быть куплено ценой окончательного разорения крестьянского производства на левобережной Украине. Непосредственным результатом этого мог быть только голод и вымирание деревни. Никаких иных результатов от усиленного нажима на деревню повстанческого района нельзя было ожидать, потому что и хлебные и людские ресурсы здесь были на пределе, так что даже самое незначительное перенапряжение сил должно было привести эту деревню к экономическому краху и демографическому кризису. Сомнительно также, чтобы нарушение военно-политического

¹¹⁰ На защите революции. Киев 1971, стр. 243.

соглашения Советским правительством дало ему какой-либо политический выигрыш, так как конфронтация с Революционно-Повстанческой Армией, пользующейся поддержкой населения, вряд ли могла способствовать повышению престижа [престижа] советской власти на Украине. Принимая во внимание все вышесказанное, следует сказать, что со стороны советской власти разрыв соглашения являлся крупной политической ошибкой, которая при ином стечении внешнеполитических условий могла бы очень дорого стоить Советскому правительству. Быть может, в ходе этой авантюры под угрозу был поставлен самый факт существования советской власти в РСФСР – не больше, не меньше, потому что, бросив в махновский район все наличные силы Южного и Юго-Западного фронтов, советское командование вынуждено было тем самым оставить незащищенными свои рубежи.

История IV военно-политического соглашения Махно с советской властью еще раз показала, что, когда коммунистическая власть вставала перед выбором: интересы *реальной* политики или слепая верность идеологическим конструкциям, – она неизменно выбирала последние. Ее в данном случае несколько не смущали ни возможность иностранного вторжения, ни неизбежность продления кровопролитной гражданской войны. А ведь все это, повидимому, можно было бы избежать, если бы политическое руководство Республики и ее военное командование проявили бы большую идеологическую терпимость, больший учет реальной и политической обстановки, наконец, большую гибкость по отношению к такому массовому народному движению, как анархо-махновщина. К сожалению, власти не стали искать компромисса. Инспирируемые идеологической ненавистью, они не сочли нужным даже объявить ультиматум Махно и довести этот документ до сведения повстанцев. Оно не шло ни на какие уступки крестьянам, так что даже продрозверстка здесь была отменена, в отличие от многих других губерний России, намного позже – в конце 1921 года. Опьяненное успехом борьбы с Врангелем, советское командование решило, что оно одним махом сумеет расправиться с вооруженным крестьянским движением, возглавляемым Махно, а заодно с этим, успешно решить и задачу обеспечения продовольствием промышленных центров России за счет «анархо-бандитов». Однако ни одна из этих задач не была успешно решена в запланиро-

ванные сроки. Так называемая «малая война», рассчитанная на немедленное уничтожение махновщины, оказалась по времени и по масштабам почти такой же как и война с Врангелем. Что касается решения продовольственной проблемы, то вместо ее успешного решения, эта война принесла лишь дальнейший развал экономики всей Республики и усиление голода в стране. История, как известно, не прощает ошибок и требует, чтобы за них платили по полному счету.

Dr. MACHIEL KIEL

Price: 91.25 Dutch guilders
clothbound
ISBN 90 232 2061 7

16 x 24 cm. 380 pages including 9
maps, 6 facsimile prints and 53 black/white
photographs

Art and Society of Bulgaria in the Turkish Period

The Economic, Juridical and Artistic Preconditions of Bulgarian Post-Byzantine Art and its Place in the Development of the Art of the Christian Balkans, 1360/70-1700.
A New Interpretation

Available through your local bookseller or direct from the publisher

VAN GORCUM

For orders in the U.S.A. and Canada:

Van Gorcum & Comp. b.v.
Postbox 43
9400 AA Assen
The Netherlands

Van Gorcum & Comp. b.v.
27 South Main Street
Wolfeboro, New Hampshire 03894-2069, U.S.A.

Dr. Henk E.S. Woldring

The development
of his thought

KARL MANNHEIM

Dr. Henk E.S. Woldring

Karl Mannheim

The development of his thought: philosophy,
sociology and social ethics,
with a detailed biography

466 p., price Dfl. 87,50

ISBN 90 232 2240 7

This book discusses Mannheim's entire corpus: his philosophy of culture, his sociology of knowledge, his ideas about ideology, utopia, democracy, planning, education, ethics, and religion. All these are discussed in the perspective of Mannheim's view of the crisis of Western culture: the alienation between human beings and social, economic, and political phenomena. This alienation resulted in the fragmentation of life, the plurality of worldviews and the diversity of scientific approaches, all lacking a basic consensus. Henk Woldring discusses Mannheim's struggle with the relativity and truth of knowledge, confronting Mannheim with his critics: Theodor Adorno, Max Horkheimer, Thomas Kuhn, Michael Polanyi, and Karl Popper.

From the Contents

Part I	Biography	Part IV	Sociology, Social Ethics and the Reconstruction of Society
Part II	Motifs and Contours of the philosophy	Part V	Summary and Evaluation
Part III	From the Sociology of Culture to the Sociology of Knowledge		

Available through your local bookseller or direct from the publisher

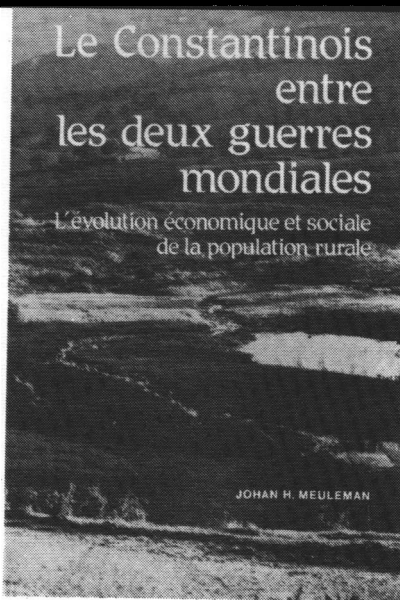
VAN GORCUM

For orders in the U.S.A. and Canada:

Van Gorcum & Comp. b.v.
Postbox 43
9400 AA Assen
The Netherlands

Van Gorcum & Comp. b.v.,
27 South Main Street,
Woffeboro, New Hampshire 03894-2069, U.S.A.

Dr. J.H. Meuleman

304 pages
Prix Fl.holl. 51.75
ISBN 90 232 2093 5

Le Constantinois entre les deux guerres mondiales

L'évolution économique et sociale de la population rurale

Durant l'entre-deux-guerres la déstructuration de la société algérienne indigène ainsi que son intégration dans le système colonial furent fortement accentuées. L'ouvrage présente une analyse de ces processus dans des domaines tels que l'agriculture, la propriété foncière ou la structure sociale de la population rurale du Constantinois.

Available through your local bookseller or direct from the publisher

VAN GORCUM

For orders in the U.S.A. and Canada:

Van Gorcum & Comp. b.v.
Postbox 43
9400 AA Assen
The Netherlands

Van Gorcum & Comp. b.v.,
27 South Main Street,
Wolfeboro, New Hampshire 03894-2069, U.S.A.

